ГУГО ВОРМСБЕХЕР

Куда идём?

Январь - август 2001г

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Итак, начался отсчет третьего тысячелетия. Масштабные даты — новый год, новый век, новое тысячелетие — очень искушают увидеть в них и масштабные рубежи на пути к новым, конечно же, большим и хорошим, достижениям. Но беззвучный, неделимо-непрерывный и неумолимо-самостоятельный поток времени равнодушен к налагаемым на него условным меркам. Рубежи, этапы, эпохи нашей деятельности редко совпадают с круглыми числами на бесконечной линейке времени. Тем не менее, такие даты заставляют задуматься: что же нам удалось сделать, что мы имеем сегодня и что нужно делать завтра? Куда мы вообще идем и к чему придем?

- I. Две российско-германские пятилетки без плана
- II. Российские немцы: роль
- III. Россия и проблема российских немцев
- IV. Германия и проблема российских немцев
- V. Почему мы разные
- VI. Выезд
- VII. Чтобы иметь будущее?
- notes
    - 1

I. Две российско-германские пятилетки без плана или почему мы идем ни к чему?

Итак, начался отсчет третьего тысячелетия. Масштабные даты — новый год, новый век, новое тысячелетие — очень искушают увидеть в них и масштабные рубежи на пути к новым, конечно же, большим и хорошим, достижениям. Но беззвучный, неделимо-непрерывный и неумолимо-самостоятельный поток времени равнодушен к налагаемым на него условным меркам. Рубежи, этапы, эпохи нашей деятельности редко совпадают с круглыми числами на бесконечной линейке времени.

Тем не менее, такие даты заставляют задуматься: что же нам удалось сделать, что мы имеем сегодня и что нужно делать завтра? Куда мы вообще идем и к чему придем?

Актуальность этих вопросов для российских немцев обостряется дополнительными годовщинами: в этом году исполняется 60 лет со дня принятия Указа, ставшего началом трагедии нашего народа; в прошлом году исполнилось 35 лет с начала движения российских немцев за восстановление их государственности; чуть раньше мы должны были отметить, но так и не отметили, 10-летие нашей массовой организации "Возрождение"; исполнилось три года нашей Федеральной национально-культурной автономии; а в начавшемся году нам предстоит отметить и 10-летие I Съезда советских немцев, а также 10-летие с начала практического российско-германского сотрудничества в решении нашей проблемы.

В общем, поводов задуматься более чем достаточно.

Вторая волна в движении российских немцев в 1988 году взметнулась, как и первая в 1965-м, с чисто политическими требованиями: восстановление государственности, полная реабилитация, равноправие российских немцев с другими народами страны. Все это было обещано нам, и к этому вроде все шло, однако темпы развала СССР опережали темпы решения нашего вопроса, поэтому даже I Съезд советских немцев в 1991 г., который, в условиях упущенности восстановления Республики на Волге, должен был обеспечить первые крупные шаги в этом направлении, закончился внутринациональным взрывом, раскидавшим и наше движение, и наш народ, оставив нам на годы выжженное бесплодное поле.

На этом поле политические решения, которых мы совершенно

правильно добивались, нами самими взращены быть не могли. Новая власть, в чьи обязанности, возможности и прерогативы это входило, принимать такие решения не хотела; она оказалась в разрушаемой ею же стране не командой спасателей, тем более не командой созидателей, и даже не службой поддержания порядка, а ненасытной ордой мародеров, разрушавшей все новые структуры государства для все большего растаскивания его собственности.

Можно только удивляться тому, что в этих условиях была создана Межправительственная Российско-Германская комиссия для *поэтапного восстановления государственности российских немцев!* С сегодняшней точки зрения это можно объяснить только тем, что тогдашняя власть не собиралась что-либо делать для российских немцев, как и для российского народа вообще, — недаром же более 90 % всех принятых тогда законов, постановлений и указов не выполнялось.

Создание Межправкомиссии сыграло, однако, большую роль: оно позволило российским немцам хотя бы на заседаниях этой комиссии вновь и вновь ставить свои политические требования; оно ввело российских немцев в сферу обсуждения и принятия политических решений — пусть и не в качестве полноправной, но все же третьей стороны; и оно легализовало, сделало востребованной и желательной для России материальную поддержку со стороны Германии.

В свою очередь, эта поддержка простимулировала принятие и осуществление важных политических решений о создании национальных районов и ряда компактных немецких поселений и вызвала принятие в России Федеральной целевой программы по российским немцам. А все это вместе помогло сохраниться в течение ряда лет движению российских немцев, а также создать начальную национально-культурную инфраструктуру в виде Российско-Немецких Домов, культурных центров, языковых курсов, издания газет и книг, художественной самодеятельности и различных культурных мероприятий.

Вместе с тем, в условиях невозможности *политического* решения проблемы, вынужденность заниматься только практическими делами ("проектами"), причем даже за определенное денежное вознаграждение, что вообще было ново для российских немцев, стала очень скоро играть и весьма отрицательную, даже разрушительную роль. Здесь проявилось несколько факторов.

Так, в течение более полувека российские немцы если делали что-либо для поддержания своей национальной культуры и родного языка, то только на общественных началах и, как

правило, в обстановке преследований за это. От тех активистов требовались не только любовь к своему народу, но и большое мужество. Не случайно таких активистов было раньше немного.

Теперь же люди не только не преследовались за это, а наоборот — *им деньги платили!* Но когда дело касается денег и вообще материальных благ, то тут вперед прорывается уже совсем другой вид активистов, совсем с другой ментальностью. И с этими новыми активистами, которых стало вдруг видимо-невидимо и которые оказались более громкими, более "преданными" народу и с несравнимо более крепкими локтями, прежние активисты конкурировать уже не могли — они были быстро оттеснены "практиками" и "способными организаторами".

Но этих новых активистов обуяла внезапная любовь к народу не потому, что они плоть от плоти этого народа и что этому народу нужно было помочь. Любовь имела, как правило, другую основу: *любовь теперь стала оплачиваемой*, а потому и приобрела вполне определенный характер. И контакты новоявленных жрецов политэкономической Венеры со своими клиентами вели к быстрому распространению соответствующих венерическо-политэкономических заболеваний среди неверных своей национальности самых жаждущих активистов.

Так очень скоро получилось, что про политические требования и решения, необходимые народу, новые активисты благополучно забыли. Одни — делая проекты (то есть строя дома, издавая книги, проводя выставки и концерты, причем не обязательно для российских немцев, но на деньги, предназначенные для них). Другие — наладив мощный бизнес на выезде российских немцев (наиболее умело и прибыльно — в Казахстане). И тем, и другим политические решения были не нужны, наоборот: такие решения могли только лишить их неожиданно полученного в разработку Клондайка. Отсюда — не только полнейшая политическая пассивность новых активистов, но и их жгучая нетерпимость к тем, кто еще напоминал государству о политических целях.

Политические инициативы не нужны были и чиновникам с обеих сторон, так как и для них представляли собой угрозу: если проблема будет решена, то эти российские немцы ведь сами займутся дальше своими делами, и никакие чиновники где-то им уже не будут нужны. Да и такие инициативы вызывали только хлопоты: надо отвечать, реагировать, доказывать, почему "низзя". Лучше "конкретные дела", то есть те же проекты, тем более — с участием в распределении средств.

Именно отсюда начинается смычка новых активистов и чиновников в их потребительском отношении к проблеме

репрессированного народа. Все, что выходит за рамки имеющего конкретные расценки в рублях и дойчмарках, то есть вопросы политики, вопросы будущего народа — это для одной стороны "политическая трескотня", а для другой — "бля, бля, бля".

Не нужны были политические инициативы и ельцинскому руководству, ибо не решать национальные проблемы пришло оно в этот мир, а в очередной раз все до основания разрушить. Что же касается российских немцев, то вместо восстановления их Республики на Волге полупьяный президент предложил им выковыривать снаряды на военном полигоне. "И Германия пусть поможет…" — ясно определил он место страны друга Гельмута в процессе "поэтапного восстановления государственности российских немцев".

В такой атмосфере и Германии было не до политических инициатив. Поэтому вся работа по решению нашей проблемы была на годы начисто лишена ее главной, политической, составляющей и умело, потому что небескорыстно, сводилась к разрозненно-бессистемной "проектной" работе, где заработки исполнителей зависели не от конечного результата, то есть не от пользы для российских немцев сделанного, а единственно от стоимости этих проектов. А отсюда и непомерно высокая эта стоимость, и нередко даже отрицательный результат "проектов" для будущего народа, и стремительное разбухание карманов подрядчиков, и, естественно, их бескомпромиссная, без всяких принципов, борьба против каких-либо политических требований и тех, кто их еще выдвигал.

Таким образом, интересы российских немцев как народа и государственные интересы двух стран, подписавших соглашение о восстановлении государственности репрессированного народа, были полностью подменены частными интересами "новых активистов"-подрядчиков. Сами российские немцы как народ в лице своего политического и национального авангарда были оттеснены, более того, подменены этими подрядчиками, которые теперь и говорили, и действовали от имени и народа, и государства, что практически вообще исключало звучание прежних политических задач.

Как следствие, многие годы на заседаниях Межправкомиссии, созданной — напомним! — для поэтапного восстановления государственности российских немцев, — если что-то еще и говорилось на эту тему, то в коммюнике все равно не включалось. Очевидно, все хорошо понимали, что при Ельцине это было бессмысленно. В результате — мертвая политическая тишь да гладь да подрядная благодать! Первое осторожное упоминание о главной цели Комиссии появилось лишь в коммюнике ее XI

заседания, с подачи и по настоянию Федеральной НКА.

Между тем, будучи вынужденными в течение двух совершенно бесплановых "пятилеток" удовлетворяться лишь проектной работой, мы уже не можем больше понимающе молчать о том, что поднимать вопрос о необходимости политических решений преждевременно или не имеет смысла. Потому что времени нам больше не отпущено: эти решения необходимы сегодня и позарез! Ведь наша цель — сохранить народ, и без политических решений к ней не продвинуться.

В борьбе за эту цель может быть два варианта будущего российских немцев.

Первый: будет, наконец, восстановлена их государственность и создана эффективная система функционирования национально-культурных автономий, что позволит российским немцам самим взять на себя дальнейшие заботы по сохранению своего народа. Этот путь предполагает максимальное развитие института НКА как первого и необходимого шага на пути к главной цели и как незаменимого инструмента ее достижения. Тогда у российских немцев появятся шансы на будущее.

Второй: если этого не будет сделано, то российские немцы просто исчезают как народ — через выезд тех, кто это еще хочет и может, и через ассимиляцию остальных.

Мы должны ясно видеть эти варианты как неотвратимый результат того, что делается сегодня и будет делаться завтра.

Очевидно и то, что усилий, которые до сих пор прилагались двумя странами для решения нашей проблемы, абсолютно недостаточно для положительного результата. Об этом говорит как отсутствие — после стольких лет — видимых политических подвижек, так и реакция на это со стороны российских немцев: выезд двух миллионов человек в Германию никогда не состоялся бы, если бы эти усилия вызывали хотя бы проблеск надежды.

Вывод может быть один: надо подготовить и осуществить реальную программу решения проблемы российских немцев. Она должна:

— определить четкие цели, механизмы и сроки достижения этих целей;

— содержать главный акцент на политических решениях, которые должны предшествовать практической работе, выглядящей сегодня больше как симуляция бурной деятельности;

— установить и обеспечить выделение реально необходимых средств для решения проблемы;

— предусмотреть активное включение и постепенную передачу основной деятельности по решению проблемы самим российским немцам;

— обеспечить жесткую координацию всей работы при полной ее прозрачности и контроле со стороны народа и государства.

Пока же мы видим ситуацию совершенно противоположную. На протяжении уже многих лет практически не затрагивается главная цель двустороннего сотрудничества — восстановление нашей государственности.

Вместо увеличения усилий и выделяемых средств, что диктуется даже просто саморазвитием процесса и запуском в работу созданной инфраструктуры, — мы видим сокращение из года в год этих усилий и средств с обеих сторон.

Вместо акцента на политических решениях все сведено к плохо скоординированной "проектной" работе, то есть к выполнению мелких заявок-предложений со стороны слабеньких подрядчиков с их ненациональными интересами.

Вместо активного включения российских немцев в решение их проблемы мы наблюдаем их многолетнее отстранение от этого под предлогом наличия разногласий в их движении и при умелом поддержании этих разногласий.

И, наконец, вместо совместной координации всех усилий и полной прозрачности всей работы, включая распределение и использование средств, мы имеем четко охраняемую разрозненность действий и отсутствие самих российских немцев как народа в распределении и контроле за расходованием выделяемых на них средств.

Можно уверенно сказать, что если все будет продолжаться только так, как это имело место до сих пор, то практически все затраченные усилия и средства окажутся затраченными напрасно. Потому что такая деятельность вместо серьезной государственной политики не только не предотвращает полную ассимиляцию и исчезновение российских немцев как народа, но прямо содействует этому процессу — тем, что прилагаемые усилия и средства кричаще неадекватны целям и задачам; тем, что народ дезориентируется, и в нем разрушается инстинкт самосохранения; тем, что проблема российских немцев перестала быть темой государственной политики двух стран и опущена до уровня полукустарного "бизнеса" подрядных структур.

Если все будет так продолжаться, то недалек тот день, когда не только общественные организации, не только различные учреждения типа Российско-Немецких Домов и культурных центров, не только чудовищно дилетантски и рвачески построенные "немецкие" компактные поселения, но и национальные наши районы останутся без национальной души, без национальной культуры, а затем и без людей немецкой национальности.

Останутся только памятники — в виде помпезных коттеджей для одних и проседающих после первой зимы "готовых домов" для остальных; в виде без божества и вдохновенья, с кошельком вместо сердца, дилетантски изданных книг и энциклопедий-мартирологов; в виде подшивок псевдонемецких "общероссийских" газет местечкового уровня — памятники последнему, со всеми остатками надежд, старту нашего народа. Старту, который после начала финансирования процесса был тут же превращен в фальстарт вытеснением из этого процесса народа хищной сворой тех, кто вызвался обслуживать его. И теперь эта свора — уже который год! — с криками "я — народ!", грызется и урчит, — не подпуская народ, обманывая государство, раздирая между собой и глотая, глотая, глотая "помощь народу".

И то, что этот фальстарт при не определенной до сих пор конечной цели, при подмене главного действующего лица, по сей день не остановлен для наведения порядка, является верным подтверждением тому, что не российские немцы как народ и не государство, продекларировавшее стремление помочь их возрождению, определяют все это время правила игры, а те, кто захватил рабочее пространство. Их же цель — не конкретный результат, нужный народу, и даже не продвижение к этому результату, наоборот. Их цель — чтобы эта их "деятельность", или симуляция деятельности, или противодействие тому, что действительно нужно нашему народу, — одним словом, их пребывание в подпитываемой сфере длилось как можно дольше, чтобы им успеть проглотить как можно больше. Когда же бюджетная подпитка прекратится, — какая им разница, что останется после них? Важно с чем уйти, и чтобы по возможности — безнаказанно.

II. Российские немцы: роль и возможности в решении своей проблемы

Случайного в мире ничего не происходит. То, что в проблеме российских немцев с самого начала определились три главных действующих лица: сами российские немцы как народ, Россия и Германия, — закономерно. Эта триада обладает к тому же критериями совершенства: все трое необходимы и достаточны для решения проблемы. К сожалению, далек от критериев совершенства вклад каждого из них в достижение общей (будем так считать) цели. О роли каждого и всех вместе в этом процессе и вынуждены мы задуматься.

Без нас и за нас нашу проблему не решить

Не случайно в названной триаде стоят на первом месте и российские немцы. Это лишь в кривом зеркале политизированной коммерции на нашей проблеме народ вытеснен в зазеркалье. В действительности же российские немцы были, есть и будут главным действующим лицом в решении своей проблемы. Тому несколько веских причин.

Во-первых, это об *их* будущем идет речь, это перед *ними* стоит вопрос: быть или не быть им как народу. И если не они будут добиваться для себя будущего, то кто? Больше некому.

Жизнь показала: только когда они сами, собрав достаточные силы, чтобы их не могли проигнорировать, ставили твердо свой вопрос, они получали реакцию государства. Пусть и не всегда ту, которую хотели. Так было в 1965 году после первых двух делегаций советских немцев, когда они вместо решения своего вопроса надолго лишились возможности его вообще ставить. Так было в 1988 г., когда после трех делегаций они получили обещание, что их государственность будет восстановлена. Так было в 1989 г. с Ассоциацией советских немцев как формой государственности без территории.

Так было и по "мелочам": при создании Государственной комиссии СССР по советским немцам; Управления (Департамента) в Госкомнаце (Миннаце) РФ; двух национальных районов в Сибири; Российско-Германской Межправительственной комиссии для поэтапного восстановления государственности; при

разработке Федеральной программы и т. п. Всегда серьезным достижениям предшествовала инициатива народа. Без нее у нас не было бы сегодня ничего. То есть все начинается с инициативы самих российских немцев.

Во-вторых, в своей проблеме российские немцы сами и высшая власть (сегодня, правда, сведенная к стихийному, на индивидуальном уровне, праву "вето"). Они могут и должны предлагать, требовать, добиваться того, что им как народу нужно и положено, и это законно. Им тоже могут предлагать, навязывать, даже делать для них что-либо, но принимать или не принимать предлагаемое — в этом последнее слово ("вето") также за ними. И предлагать им не то, что им нужно, бесперспективно: если больше нечем им голосовать против, то они голосуют ногами. Выезд двух миллионов человек это красноречиво показал.

То есть российские немцы являются "главными заказчиками" государству всего, что должно быть сделано для обеспечения их национального будущего. А государство, если принимает их "заказ", то уже от своего имени обеспечивает его исполнение.

В-третьих, российские немцы не могут быть равнодушными к тому, как делается для них то, что делается. Потому что даже самую прекрасную идею можно извратить исполнением до ее противоположности, если исполнители не заинтересованы в конечном результате или не принуждаются к нему жестким контролем. Это мы видели в 1979 г. с авантюрой по созданию немецкой автономной области в Казахстане. Это мы видим на протяжении многих последних лет в России.

Отсюда необходимость, право и обязанность участия российских немцев как народа в исполнении своих проектов и программ, или как минимум в контроле за распределением средств и за качеством работы исполнителей-подрядчиков[1] — это и в интересах государства. Недопущение же их ни к исполнению, ни к контролю за исполнением, что мы наблюдаем сегодня, — верный признак обмана и народа, и государства со стороны исполнителей.

Все это вместе: воля и инициатива народа; исключительные права народа как высшего представителя своих интересов; и безусловная обязательность его участия в определении и исполнении всего, что нужно сделать для него, — не может быть передоверено никому другому. Отсюда и роль российских немцев как главного действующего лица в решении их проблемы. И отсюда же некоторые важные для нас выводы.

Мы не должны опасаться (по инерции) проявлять инициативу, предлагать и требовать от государства решения

нашего вопроса так, как это нам нужно — это наше право, это наш долг перед ушедшими и будущими поколениями, это наша обязанность, в том числе перед нашим же государством, частью народа которого мы являемся.

Мы не должны пассивно ждать и надеяться, когда государство само вспомнит о нас и восстановит по отношению к нам справедливость: без настойчивых, предельных инициатив этого не произойдет никогда. Не будем забывать, что представляет собой государство. Это огромная бездушная машина, олицетворяемая и управляемая на каждом уровне и в каждом своем блоке одним конкретным "машинистом". Любая идея, любая боль, даже трагедия целого народа, если и дойдет до этого конкретного лица, то вовсе не обязательно найдет в нем отклик и, тем более, будет услышана на уровне, где принимаются решения и задания для всей машины. Требуются долгие, упорные, в нашем случае — неимоверные, как показала жизнь, усилия по воздействию на разные уровни и разные блоки этой машины, чтобы вызвать нужную ее реакцию. Звоните, стучите, бейте в дверь ногами, если хотите, чтобы вас услышали.

Мы не должны, не имеем также права передоверять кому-либо решение нашего вопроса и стоять в стороне в роли наблюдателя. Как не должны верить тем, кто занят в "решении проблемы", если они не могут открыто и убедительно объяснить нам и государству, что и зачем они пытаются "решать" для нас.

Мы не должны и заблуждаться относительно подлинных интересов тех, кто иезуитски призывает нас заниматься сегодня "не политической болтовней, а конкретными делами"; "не сидеть в президиумах, а пахать в поле"; кто стремится настроить людей против "москвичей" и "вождей" и кто предлагает им помощь "прямо сейчас" (деньгами, языковым лагерем для детей, изданием книжки и т. п.) с небольшим условием: вступить в такую-то организацию, выступить против таких-то и, конечно, "отстегнуть" от полученной суммы столько-то "на общее дело".

Такие радетели "общего дела" — самые опасные сегодня противники нашего будущего. Потому что они носят личину "своих", примелькавшись за годы в нашем движении, умеют говорить правильные слова, но цели и интересы у них далеки от целей и интересов народа, жизненными соками которого они питаются. Их двуличие проявляется во всем. Выступая против "Москвы", они сделали все, чтобы самим попасть именно в Москву, где смогли небедно устроиться благодаря своим "конкретным делам" в проблеме российских немцев. Выступая против "вождей", именно они стремятся стать этими "вождями". Именно они, монополизировав всю подрядную коммерцию в

нашей проблеме, претендуют теперь и на монополизацию всей политики в ней. Создают все новые "президиумы", с высоты которых пытаются вешать бесконечную дунганскую политлапшу на уши народу о том, что его удел — пахать, говорить же за него хотят они сами. И именно они лучше кого-либо знают: наша проблема — политическая, и решить ее можно только политическими средствами.

"Конкретные" же дела могут, конечно, *предшествовать* политическим решениям (что всегда, однако, таит в себе опасность отвлечения от главных — политических — инициатив); они могут и должны *сопровождать*эти политические решения; и они обязательно должны *следовать* за политическими решениями; но они *никогда не могут их заменить*. И тот, кто предлагает делать "конкретные дела" вместо политики, заинтересован не в решении проблемы нашего народа, а в сохранении своих доходов от нее, для чего и пытается купить "помощью" чью-то поддержку.

Наш народ сегодня делится не на столичных и провинциалов, не на "политиканов" и "пахарей", не на "вождей" и "рядовых". Он делится на тех, кто понимает, что проблема народа — это проблема его лично и его детей, и на тех, для кого проблема российских немцев существует лишь пока под нее выделяются средства, от которых он лично что-то имеет. Не будет профита — не будет для таких и проблемы народа. Представители же и тех, и других есть везде: и в столице, и в провинции, среди политиков и среди пахарей, среди вождей и среди рядовых. Достаточно вытянуть руки в стороны: наткнемся.

Роль российских немцев как главной инициирующей, исполнительной и контролирующей силы в решении их проблемы ставит перед ними и серьезное требование: соответствовать этой роли. Что предполагает — ясно осознавать безальтернативность своей цели, иметь волю к ее достижению и способность собрать для ее достижения достаточно сил (не обязательно только собственных). Отсутствие у них хотя бы одного из этих качеств означало бы конец проблеме и им самим.

Есть ли у них эти качества?

"Интернет" вместо государственности -

последний взлет подрядных мозгов

О наших целях писалось не раз, и вроде никто уже не оспаривает тезиса, что главной нашей целью является сохранение народа. Как естественно, неоспоримо и законно право на жизнь

для каждого человека, так естественно, неоспоримо и законно это право и для каждого народа. Никто не хочет умирать, тем более преждевременно. Доказывать это, надо полагать, излишне.

Однако, чтобы жить, человеку требуются вполне конкретные условия. Он должен иметь возможность работать, должен иметь свой дом, иметь средства не только на питание, но и на образование, на культурное развитие, на выращивание и воспитание потомства. То же самое требуется и любому народу, только в совсем иных масштабах. И здесь, в вопросе о том, что требуется и как этого достичь, прежнего единодушия уже нет.

Если пользоваться сравнениями и дальше, то народ — это фактически большая семья. И минимум, что требуется, чтобы семья оставалась семьей, это совместное ее проживание, то есть родительский дом, где могут вместе собираться даже те, кто создал уже собственную семью, и откуда идут родные импульсы всего, что дорого каждому члену семьи. Для народа такой дом — это его территориальная государственность.

Можно рассуждать о том, должна ли быть сегодня для всех российских немцев одна единая территория, или их может быть несколько: одна как основа и другие для "отделившихся", но без территории вообще, то есть без совместного проживания, народа не будет. Потому что не будет ни родного языка, ни национальной культуры, ни традиций, ни своего образа жизни — ничего, что делает народ народом. И не будет своей экономики — источника средств для самообеспечения. Не будет национального ядра, без притяжения которого все электроны-люди сойдут со своих национальных орбит, разлетятся кто куда по кривым линиям окружающего силового поля, унося с собой свою энергию, жизнеспособность и защищенность ядра.

Нет территории — нет народа. Это аксиома. И попытки опровергнуть ее тем, что сегодня, в условиях новых мощных форм коммуникаций: телефон, телевидение, компьютеры и "Интернет", — общение возможно и без совместного проживания, — эти попытки взошли на том же коммерческо-подрядном навозе, что и призывы "пахать" вместо того, чтобы добиваться политических решений. Не будем даже говорить о технической возможности осуществления этой идеи: компьютеры в каждую деревню, в каждый дом, где по очереди все, от стариков до грудных младенцев, должны выстукивать буквы и слова (на каком языке?) и направлять их "всем, всем, всем", чтобы те таким же образом "пообщались" затем с ними, дабы "народ сохранился". Трогательная картина! Особенно для условий России. И для российских немцев, разбросанных на шестой части Земли. И при сегодняшних доходах, когда не хватает на пропитание…

Каким же безнациональным, бездушным мозгом нужно обладать, чтобы не видеть разницы между *народом* — живым социально-национально-культурно-языковым организмом, с единой кровеносной системой, едиными моральными и нравственными ценностями, в котором каждая клетка-индивидуум постоянно движется, дышит, живет, реагирует, совершенствуется, находясь в непрерывной, теснейшей, многообразной взаимообогащающей связи с другими клетками-индивидуумами, — и *пользователями системы "Интернет"*!

Почему же раньше не выдвигалась идея создать, например, народ из абонентов телефонной сети, где хотя бы живой голос друг друга слышен. Только потому, что телефонизация в основном уже проведена, и на ней уже не заработаешь? А компьютеризация всех российских немцев — какой проект! Какой подряд! Какое прибыльное "конкретное дело"!" "Люди гибнут за металл" и готовы погубить за него даже свой собственный народ…

Нет, не является "Интернет" альтернативой территории, то есть совместному проживанию российских немцев. И никогда не сможет быть, каким бы выгодным ни был такой проект некоторым. Без собственной территории, без родной земли, без национальной почвы и народ, и каждый его представитель будут без собственных корней, и как таковые перестанут существовать. И даже гидропоника в виде растворов бюджетных микроэлементов не сможет ничего решить: народ сам должен добывать себе из своей почвы жизненные силы; растворы, приготовленные другими, в любой момент другие могут и перестать подливать…

В последнее время определенной альтернативой территориальной государственности, хотя бы и на время, воспринимают Федеральную национально-культурную автономию. Как ни важна ФНКА для нас, какие бы надежды мы на нее ни возлагали, не будем заблуждаться и здесь: национально-культурная автономия, даже если она получит у нас статус государственности без территории, может лишь частично и на определенное время выполнять некоторые функции территориальной государственности. Пусть гораздо эффективнее, живее, сердечнее, чем "Интернет", пусть она сможет неплохо удовлетворить целый ряд национально-культурных запросов, но заменить собой совместное проживание и территориальную государственность не сможет и она.

Она — лишь дополнение к территориальной государственности; важное, необходимое, но — дополнение. И нужна она именно для тех, у кого нет территориальной

государственности или кто живет за ее пределами, чтобы замедлить процесс ассимиляции, остановить который не может. И еще ФНКА нужна как форма объединения народа и как инструмент для решения его основных вопросов, для нас в том числе и вопроса о государственности. Поэтому сегодня ФНКА нужна всем российским немцам; а завтра, когда будет у них и территориальная государственность, она нужна будет тем, кто по каким-то причинам и дальше будет проживать распыленно. Но стать альтернативой территориальной государственности ФНКА не сможет. И нам нужно хорошо понимать это, как и то, что ФНКА вполне может превратиться из инструмента решения проблемы народа в свою противоположность: в сильнодействующий наркотик для снятия разрывающей сердце народа нестерпимой боли от безрезультатности его полувековых усилий и надежд, от глумления над его достоинством и правами, — наркотик для умиротворенного, бесконфликтного перехода в никуда…

Постараемся помнить и об этом, не забывая ни на минуту о безальтернативности для нас совместного проживания, то есть территориальной реабилитации в духе Закона "О реабилитации репрессированных народов".

Куда потечет лава национальных интересов?

Есть ли у нас воля к достижению нашей главной цели? Здесь тоже имеются "разные мнения", потому что имеются разные интересы у отвечающих на этот вопрос.

Не будем повторять всех стенаний и благоглупостей, которыми в течение последних 40 лет многие пытаются оправдать свою выжидательность, бездеятельность и малодушие в деле сохранения своего народа: и что все бессмысленно, что ассимиляция зашла слишком далеко, что слишком много эмигрировало и даже что народа уже давно нет, потому что "большинство думает только о себе" (странно было бы, если бы все думали только о других). Слава Богу, есть считающие и по-другому. Иначе мы не имели бы сегодня как народ ничего, и даже понятия "российские немцы" давно не существовало бы. А это значит, что жизнь подтверждает наличие так нужной нам воли. Вспомним: даже в самые тяжелые времена — военные и послевоенные, российские немцы, полууничтоженные физически, униженные и подавленные морально, представляли собой, надо полагать, достаточно мощный протестный потенциал, потенциал защиты своих национальных интересов и справедливости, если

для них вплоть до 1956 года был установлен весьма затратный для государства, особенно в условиях послевоенной разрухи, режим спецкомендатуры.

Старшее поколение еще помнит также, какой массовый всплеск национальных чувств, интересов, инициатив поднялся в конце 50-х — начале 60-х гг. прошлого века, какой размах получила немецкая художественная самодеятельность, какой популярностью пользовались немецкие газеты.

Да, мы не видим, что происходит под толщей земной коры. Но по извержениям вулканов, по потокам лавы, по разрушительным землетрясениям можем представить себе и колоссальные напряжения, и раскаленность глубин. Так и в жизни народа: под сковывающей остывшей корой самозащиты народа от репрессий и несправедливости сохраняется и раскаляется жар национальных интересов. Куда потечет лава этих интересов — на решение проблемы или на выезд — зависит от многих обстоятельств. Но она есть, и два протуберанца — первые две делегации в Москву в 1965 г. с требованием восстановления государственности — лишь спешно задушенное свидетельство этого. Гораздо более убедительное свидетельство — то, что после этих делегаций вся немецкая художественная самодеятельность в СССР была закрыта как "рассадник автономистских настроений". Это ли не свидетельство подлинных настроений народа, несмотря на то, что его в переписях населения страны вообще не существовало?

А когда запреты-оковы ослабли, каким страстным, каким горячим, каким массовым вмиг стало движение российских немцев!

И вот уже десять лет это движение активно действует на политической сцене, все больше освобождаясь от громких импульсивных инициатив начала 90-х гг. в пользу трезвых, продуманных действий. И то, что раздробленное движение в 1997 г. смогло преодолеть внутренние противоречия и создать единую структуру — Федеральную НКА, практически пожертвовав для этого всеми остальными своими подлинно общественными организациями, свидетельствует и о зрелости движения российских немцев, и о его чувстве ответственности за их будущее, и о понимании необходимости концентрации всех сил для более эффективных действий в продвижении к цели. И это — в самые беспросветные, циничные, разрушительные годы ельцинизма.

Даже выезд в Германию, при всей его немалой экономической обусловленности, свидетельствует — и возможно, наиболее наглядно и болезненно для страны, для ее экономики — о том,

что котел национальных интересов российских немцев по-прежнему бурлит и кипит. Выезд показывает, что российские немцы не могут смириться с нерешением их вопроса, не принимают перспективу ассимиляции и по-прежнему несут в себе заряд протеста против 60-летнего безразличия государства к их судьбе. И можно с уверенностью сказать: если в России будут, наконец, созданы условия для национального будущего российских немцев, то именно национальные интересы, неудовлетворение которых выталкивает их сегодня в эмиграцию, заставят многих и многих выехавших вернуться, потому что в Германии у них *как народа* будущего нет и не может быть, ибо не может быть собственной территории; потому что там им предписывается еще более жесткая, еще более нетерпеливая ассимиляция; потому что там особенно нетерпимы к их исторически сложившемуся национальному своеобразию; и потому что будущее у них как народа если возможно, то только в России.

И не стоит усматривать в выезде российских немцев их непатриотичность. Как 20 миллионов русских, оказавшиеся после развала Союза за пределами России в этнократических режимах; как сотни тысяч русских в национальных республиках России, ставшие "некоренными" в ходе "суверенизации", то есть той же этнизации там власти; как десятки и десятки тысяч ученых, деятелей литературы, культуры, искусства, специалистов высочайшего уровня разной национальности, выехавшие за эти годы на Запад, — российские немцы, не имея возможности и надежд реализовать свои права как народа "по месту жительства", пытаются сохранить себя, хотя бы свою первичную — немецкую — национальную составляющую, путем миграции (эмиграции).

И именно это для нас в данной статье главное: не то, что едут, а почему едут. Едут именно потому, что *хотят остаться в России российскими немцами*, но возможности для этого не имеют, и потому, что массово заблуждаются относительно тождественности содержания понятий "немец" и "российский немец". Одно можно сказать твердо: если бы российские немцы были равнодушны к своему будущему — не ехали бы, не ставили бы уже сорок лет вопроса о восстановлении своей государственности, не создавали бы национальных районов, не имели бы национального движения и даже не имели бы в нем подчас бескомпромиссной борьбы.

Представлять народ — значит бороться за его будущее

Еще одно, что должны мы для себя четко определить, говоря сегодня о российских немцах, это содержание понятия "народ". Что такое "народ российских немцев", кто может его представлять, кто имеет право говорить от его имени и защищать его интересы? Демагогии в этих вопросах было у нас всегда много, особенно она развилась после того, как созданная народом ФНКА лишила самим своим существованием некоторых обладателей громких титулов права говорить "от имени народа".

Любой народ никогда не бывает, к счастью, чем-то абсолютно однородным, как порошковое молоко. Тем более, когда речь идет о целях, интересах, мировосприятии и образе жизни каждого его представителя. Даже в периоды объединяющей опасности (война, репрессии, дискриминация) и в исповедании самых тоталитарных религий — идеологических, как фашизм или казарменный коммунизм. Именно поэтому народ и является живым организмом, способным защищаться, сохраняться, развиваться. Тем более не может он быть однородной безликой массой в обычное время, не говоря уже о времени всеобщего хаоса, когда каждый брошен на произвол судьбы и вынужден спасаться, как может. Поэтому ожидать от российских немцев, живущих уже столько лет в совершенно разных условиях, в разных регионах (теперь даже странах), в различном инонациональном окружении, прошедших каждый свой отрезок пути к ассимиляции, имеющих совершенно различные возможности для решения своей дальнейшей судьбы (благоустроенная усадьба в старом немецком селе со столетними традициями и живым диалектом в национальном районе, десятки родственников в Германии и "вызов" на руках — или не имеющая средств, чтобы выбраться из какого-нибудь аула, и знаний языка, чтобы сдать тест на "нордическую кровь", многодетная смешанная семья), — ожидать от этих людей одинаковой позиции, одинаковых целей и одинаковых действий в вопросе о будущем, мягко говоря, наивно.

Однако различие и множественность индивидуальных и групповых целей и интересов у российских немцев совсем не означает, что у них нет *общих* интересов и целей, как раз делающих народ народом. Не только общее прошлое, не только общее настоящее, но и коренные общие национальные интересы, устремленные в будущее, говорят о том, что российские немцы были и остаются народом не меньше, чем любой другой народ в России. Активное же или пассивное неприятие всего, что мешает обеспечению национального будущего, объединяет российских немцев еще больше. А выражается ли это неприятие полувековым молчанием, громкими политическими форумами, ожесточенным массовым выездом или, несмотря ни на что, стремлением помочь

руководству страны понять и решить проблему народа, — это лишь формы проявления неприятия с учетом трезвой оценки ситуации. И до тех пор, пока это неприятие есть, жив и народ. И представлять народ сегодня, в условиях его территориальной разбросанности, экзистенциальной дисперсности и политической необъединенности, означает лишь одно: выражать и защищать коренные интересы российских немцев.

(Примечательно, что противники ФНКА еще ни разу не обвинили ее в том, что она недостаточно полно, недостаточно активно или хотя бы в чем-то неверно выражает и отстаивает интересы народа. Не обвинили, потому что этого нет. Отсюда и разглагольствования о более неопределенном — о "непредставительности".)

Поэтому когда говорят о недостаточной представительности ФНКА только потому, что она охватывает не всех российских немцев, а имеет "лишь" 30 региональных и около 150 местных НКА, и призывают — не создать еще НКА, чтобы "представлять" народ еще полнее, не вовлечь в существующую уже ФНКА новых членов, а созвать "общенациональный" съезд (как выясняется, в основном из тех же членов ФНКА), чтобы сформировать представительный орган "всего народа", то это и есть дистиллированнейшей воды демагогия. Особенно когда к этому призывают некоторые региональные лидеры НКА. При этом они почему-то не требуют начать со своей НКА: собрать, например, "общенациональную" конференцию области, создать на ней "представительный орган всех немцев области" как альтернативу Совету региональной НКА и передать ему — что? Власть, которой у Совета нет и которой и у "органа" не будет? "Представительность", которая у Совета есть по Закону о НКА, а у "органа" все равно не будет? Или передать груз забот о благе людей, с которым данный региональный лидер не может справиться, поэтому ищет виновных в федеральных структурах, а выход — в создании новых структур?

Представительность никогда не бывает стопроцентной, что и является признаком и проявлением настоящей демократии. Даже в условиях развитой демократии, даже при участии (в отличие от российских немцев, не имеющих 60 лет такой возможности) всего народа в выборах своих представителей, никогда не бывает, чтобы они избирались единогласно и могли править страной от имени всего народа. Свежайший пример — с Бушем-Гором. Примеры со Шредером-Колем, Ельциным-Зюгановым, Путиным-Зюгановым из того же ряда. Поэтому-то проигравшее меньшинство всегда и поднимает вопрос о степени представительности победивших.

Таким образом, если для нас, в отсутствие невозможных в последние шестьдесят лет полномочий от всего народа, представлять российских немцев означает представлять, то есть фактически выражать и защищать их национальные интересы, то отсюда подлинными представителями народа были, есть и, видимо, еще немалое время будут не "всенародно избранные", и не просто организации и их руководители, а только те, *кто выражает коренные интересы российских немцев*, кто активно *добивается их реабилитации*, кто *действует, чтобы народ имел будущее*. И численный состав организации или даже всего национального движения здесь не аргумент: мафия может быть весьма разветвленной и многочисленной, но от этого она не становится представителем народа. В национальном движении может быть всего одна организация, но именно она одна может быть и представительной, а не десять и даже сто других. Тем более, если у них только коммерческий интерес к проблеме. Отсюда и абсолютная неприемлемость демагогического тезиса о том, что все организации равны. Это тезис для тех, кто хочет манипулировать всеми организациями, но не решать проблему народа. Для народа же не могут быть равными те, кто его грабит, и те, кто его защищает. В самых сложных, критических ситуациях может даже один человек представлять народ, в то время как тысячи приспособленцев, думающих только о себе, — нет. Такое тоже бывало уже в истории, в том числе и в нашей.

Поэтому: есть подлинные интересы народа, которые требуется защищать; а все остальное — лишь игра в представительность и в демократию с давно известной целью: деньги, деньги и еще раз деньги; разница здесь только в одном: деньги просто или деньги с попутным удовлетворением амбиций и с конвертируемой в деньги же "должностью".

И если уж нужен абсолютный критерий подлинной представительности того или иного деятеля, то он прост, как правда: готовность бороться за интересы народа и при отсутствии оплаты этой борьбы. Если готов — ты действительно и российский немец, и представитель своего народа. Если не готов — хотя бы не мешай другим, а иди на рынок, открой себе там лавчонку и считай ежедневную выручку с чистой совестью: ты ее заработал сам, а не присвоил из помощи народу.

И если бы сегодня отпала возможность наживаться на нашей проблеме (для чего и нужен контроль со стороны народа), то, наверное, завтра образовалось бы в движении российских немцев на всех уровнях немало вакантных мест, даже целых "офисов" и "общественных организаций". И прекратились бы "разборки" — ибо делить осталось бы только "непрестижное": работу,

обязанности да ответственность. И стихли бы обвинения в "оторванности" от народа. И никто не стал бы предлагать созыва "общенациональных съездов" для получения права защищать интересы своего народа, ибо это право — и обязанность! — должны быть у каждого в сердце и без съездов. И не возникали бы каждую неделю новые ОПОДы, ВЕСы, консультативные, координационные, межрегиональные и организационные советы и комитеты. И не надо было бы вождям подряда покупать себе сторонников на бюджетные деньги, потому что обязанность защищать свой народ не продается и не покупается; если же за нее требуют или предлагают деньги, то значит речь идет о купле-продаже возможностей иметь еще большие деньги, и лучше народу не иметь таких защитничков, особенно в трудную минуту…

Будем надеяться, не слишком далекие от осуществления мечты!

О сегодняшнем движении российских немцев

Роль нашего движения всегда была особая: в отсутствие официальных национальных органов оно вынуждено было выполнять и их функции. Долгое время оно действовало при этом разрозненно: организация выезда ("Видергебурт") и создание условий для сохранения российских немцев как народа в России через восстановление их государственности (Международный Союз российских немцев) — эти два направления охватывали в течение многих лет практически все основные цели и интересы российских немцев, а олицетворявшие их организации по праву считались единственными представительными структурами российских немцев.

Все остальные организации с самого начала были либо функциональными (Международный союз немецкой культуры, Общественная Академия наук, Фонд "Российские немцы", Фонд трудармейцев), либо региональными (Землячество немцев Поволжья). А ограничившись выполнением проектов, они очень быстро превратились просто в подрядные структуры под прежней вывеской с главной целью зарабатывать деньги, но не для движения, а для своего руководства и аппарата. Политическая пассивность России в нашем вопросе, вынужденное отсюда переключение Германии на чисто проектную работу, отсутствие у главных общественных организаций собственных средств и материальной поддержки извне привели постепенно к тому, что и Международный Союз российских немцев, и "Видергебурт",

выступавшие еще в интересах российских немцев и тем самым ставшие нежелательными и для чиновников, и для подрядчиков, — постепенно перестали существовать, успев, однако, породить и взрастить из своей плоти и крови еще более легитимное и перспективное дитя — Федеральную НКА. Федеральную НКА, в которой подрядчики тут же увидели еще более опасного противника. Потому что она была еще более представительной и более массовой организацией, вобрала в себя практически весь конструктивный потенциал национального движения, а главное, выступала еще более решительно за участие народа в распределении средств и в контроле за их расходованием. Кому такое могло понравиться!

Именно в этом причина многолетних попыток задушить ФНКА экономически, дискредитировать ее руководство, расколоть, перекупив подачками региональных ее лидеров, создать ей альтернативу в виде новых организаций (ОПОД "ВЕС", консультативных и прочих советов), а также через созыв "общенационального" съезда.

Но ФНКА как была, так и остается подлинным и единственным защитником интересов народа, а ее газета "NKA-NL" — голосом народа, никогда еще не звучавшим так открыто, так страстно, так бескомпромиссно, что было бы невозможно без мощной подпитки болью, надеждой и верой со стороны самого народа. (Это, кстати, и к вопросу об "оторванности" руководства ФНКА от него.)

Историческая правда на стороне ФНКА, и победа в этой небывалой схватке интересов подрядчиков и интересов народа не может не быть за ней, в том числе и потому, что интересы российских немцев, отстаиваемые ФНКА, и интересы Российского государства совпадают. И то, что ФНКА в этой схватке не только стремится помочь российским немцам и двум государствам обеспечить целевое использование выделяемых средств, но и думает о будущем народа, предлагая — опять же единственная! — конкретные меры для этого, ясно говорит о наличии сегодня у российских немцев национальной структуры, способной их представлять и достойно представляющей их; структуры, готовой стать основой их самоорганизации, самоуправления и возрождения.

Именно поэтому начальная борьба подрядчиков *против ФНКА* теперь вылилась в борьбу подрядчиков *за овладение ею* как готовой перспективной структурой, и *против руководства ФНКА*, не позволяющего им свести национальные интересы народа к их собственным коммерческим интересам. Не удалось им оттеснить это руководство на съездах самой ФНКА, значит, нужен для этого

"общенациональный съезд". Но нужен не народу, а алчущим "защищать народ", то есть защищать от него, но от его имени, свои личные интересы.

Говорить сегодня о движении российских немцев — это значит говорить о ФНКА. Потому что других организаций, выступающих за их цели, у российских немцев нет. Подрядно-"общественные" структуры вместе с вобравшим их в себя ОПОДом — не национальное движение.

(ОПОД вообще уникальнейшее образование, даже для видавшей виды России. Собранный из политических лохмотьев чужих одежд, сшитый белыми нитками алчных надежд, надутый выхлопным идеологическим газом борьбы за светлое будущее всех народов, этот новый безродный агрессивный чебурашка тщится определять национальную политику всей страны плюс стать политической партией российских немцев. Можно без колебаний считать, что окончательное ограбление народа обеспечено, если возможность "защищать" его получат такие прожженные защитники собственных интересов.

Впрочем, вынесли же мы депортацию, вынесли трудармию, вынесли в нашем движении десять лет назад "порвавшего с КГБ" А.Кичихина, вынесем — даст Бог, ногами вперед, — и созданный для нас сегодня ОПОД.)

Еще раз: подрядно-коммерческие структуры — это не национальное движение, а (в идеале) необходимый инструмент для практической реализации достижений движения, сегодня же это — почти без исключения — структуры, паразитирующие на нашей проблеме. Внесенный ими "раскол" в ФНКА — временный, т. к. это не раскол между членами ФНКА и не идейное расхождение в вопросе о целях движения и путях их достижения. Это всего лишь часть организованной подрядчиками нечистоплотной кампании по защите своих интересов с использованием ряда региональных лидеров как физических лиц против руководства ФНКА и проводимой им политики, одобренной двумя съездами ФНКА. Собственно, это даже не раскол, а оплаченная внезапная смена рядом "лидеров" своего политического пола, которая даже не всегда известна рядовым членам их НКА. Отсюда и временность их новых радостей. Будет заменен распределитель бюджетных средств на проекты (что уже происходит) — мгновенно восстановится их традиционная ориентация и, тем самым, единство в ФНКА — если члены их НКА вообще захотят дальше иметь в своих "лидерах" таких политических трансвеститов и транссексуалов…

Как мы видим, российские немцы как народ были и есть; их воля к самосохранению и обеспечению национального будущего

проявляется с появлением ФНКА еще больше, причем в решающей сфере — политической; они имеют в лице ФНКА необходимую инициативную силу, сконцентрированный многолетний опыт национального движения и провозглашенную Законом перспективную форму самоорганизации и самоуправления.

То есть мы имеем то, что необходимо, чтобы *ставить* вопрос и добиваться его решения. Но этого, понятно, недостаточно, чтобы мы сами могли и *решить наш вопрос*. Здесь нужны уже политические, территориальные, экономические решения, которые может принять только руководство страны, выполнив, наконец, Закон государства "О реабилитации репрессированных народов". Отсюда и задача: добиться от этого руководства, с одной стороны, "законопослушания", с другой (что в нашей стране всегда было важнее) — проявления нужной политической воли, причем в интересах государства. Если при Ельцине ни первое, ни второе не было возможным, то сегодня это представляется вполне реальным.

Не могут сегодня российские немцы сами справиться и с решением ряда других вопросов. Потому что после депортации, лишения государственности, территории, правовой, экономической и социальной базы сохранения народа; после десятилетий их дискриминации, распыленного расселения, отсутствия национальных школ и учреждений культуры; после долгих лет их ассимиляции, невоспроизводства их национально-культурного, языкового потенциала и утечки его вследствие выезда, — после всего этого российские немцы хотя и остаются хозяевами своей судьбы, но, как уже сказано, лишь в сфере инициативы. В остальных же сферах решения своего вопроса этот хозяин своей судьбы (как сказал бы, и не совсем без основания, пессимист) связан по рукам и ногам бесправием, обескровлен и обездвижен, с петлей ассимиляции на шее, снять которую сам уже не в состоянии.

Но и Россия с Германией не могут решить нашу проблему без нас. Отсюда — необходимость активнейшего вовлечения российских немцев в процесс. Обрекать же народ на отстраненное молчаливое созерцание того, что делается "для народа" и "от имени государства" антинародными по своим интересам подрядчиками, значит обрекать народ на дальнейшую ассимиляцию, на дальнейший выезд, а в практических делах — всегда иметь дело с откровенной халтурой, грубейшими злоупотреблениями и низкой эффективностью вкладываемых средств.

Таким образом, можно сказать, что российские немцы,

несмотря на все трудности, уже много лет ответственно выполняют свою, отвечающую их возможностям, часть общего дела по своей реабилитации. От руководства России и от степени участия Германии сегодня зависит, останутся ли российские немцы в истории только как репрессированный и затем окончательно уничтоженный нереабилитацией народ, или они смогут и дальше, как несколько веков до этого, содействовать укреплению и развитию всестороннего сотрудничества между двумя великими стратегическими союзниками, сохраненные Россией из признания их заслуг, экономической целесообразности и категорического императива справедливости.

III. Россия и проблема российских немцев

Россия… Почему без нее у нас как у народа нет будущего? Что она для нас? И что мы для нее? Что ждем мы от нее еще — после стольких трагедий и несправедливостей? Может ли она — пусть через 60 лет! — восстановить справедливость к *последнему* нереабилитированному своему народу? Рассмотрим эти вопросы поподробнее.

Что для нас Россия?

Никто из наших предков не пришел в Россию завоевателем. Даже не искал в ней политического или экономического убежища. Наоборот, были приглашены Российским Государством. Как ученые, деятели культуры, высококлассные специалисты, военные, врачи — и как земледельцы. Оправдали ли они надежды России?

Полистайте дореволюционные энциклопедии. Почитайте историю российской промышленности, транспорта, сельского хозяйства, военного дела, науки, культуры, театра, музыки, живописи, медицины… Посмотрите историю географических открытий и "приращения могущества России Сибирью". Зайдите, наконец, в Георгиевский зал Кремля, где в бесконечных колонках имен георгиевских кавалеров на стенах каждое третье имя — немецкое.

Даже трудно себе представить прошлое России без немцев — без их личного вклада, без переданного ими своей новой Родине опыта, знаний, умения, таланта и верности. Без Немецкой слободы в Москве — первой форточки в Европу, позволившей затем прорубить туда и окно, и дверь. Не говорим уж о царицах и царях, для которых немецкий язык был гораздо более родным, чем сейчас для нас.

Верой и правдой, талантом и знаниями, потом и кровью служили немцы России. И тем не менее: нет в России народа, с которым она бы обошлась более несправедливо, более жестоко. Не надо даже углубляться в историю и выяснять, сколько обманутых обещаниями, завербованных в Германии переселенцев погибло на долгом пути к России, сколько их умерло в первые годы от неустроенности, жестокой зимы и голода, сколько было убито во время набегов кочевников и уведено в рабство, как

боролись с "немецким засильем" ура-патриоты, каким гонениям и притеснениям подвергались немцы уже в Первую мировую войну. Достаточно взять последние 60 лет нашей истории — трагедии, не закончившейся до сих пор.

И вместе с тем…

В России мы за два с половиной века из диаспоры, из осколка народа другой страны стали самостоятельным, новым народом на планете, гораздо содержательнее, богаче, чем были. В России мы стали частью великого народа великой страны. Здесь, в процессе нашей нелегкой истории, откристаллизовались те наши национальные черты, которые помогли нам устоять и сохраниться. Здесь мы вдохнули России — ее планетарной шири, ее громадных идей, ее великих целей, ее могучей природы; здесь мы впитали в себя ее великую культуру и литературу. Мы вдохнули России, где даже преступность и репрессии имеют масштабы, потрясающие воображение — до самоуничтожения, до развала страны. Тому, кто вдохнул такой России, трудно дышать в Европе.

Да, мы многое потеряли в ходе ассимиляции из того, с чем прибыли в Россию. Мы потеряли это в ходе *насильственной* ассимиляции — через депортацию, распыление по всей стране, разделение семей, мужчин и женщин, через дискриминацию во всех сферах жизни. Но через вынужденное освоение русского языка мы через два поколения смогли во многом компенсировать наши потери: русский язык позволил нам включиться, почти на равных, почти во все сферы жизни государства. То, что раньше было возможностью только для городских немцев, теперь стало возможностью практически для всех — если не считать ограничений по "пятой графе".

Как народ мы напоминаем яблоню. Хороший сорт яблони в суровых российских условиях сам по себе не вырастет — корневая система не выдержит. Поэтому и прививают черенок нужного сорта — привой, к стволику местной дички — подвою. И получается: стойкая корневая система в родной почве и ценные плоды других земель, другого климата на ветках. Так и мы: наши корни — свои в почве России, мы пропитаны, наполнены соками России, над нами светит солнце России, и плоды наши мы отдаем России.

Старые деревья не пересаживают, гласит немецкая мудрость. И не перепрививают, добавим мы. Потому, что срезать привитое дерево значит загубить дерево. Не отсюда ли многие из нас воспринимают выезд как обреченность? А требования новых садовников от нас немедленных плодов — абсурдом?

Но чтобы сохранить все, что накопили, взрастили мы в себе

за наши российские годы и что стало во многом уже нашей сутью, чтобы оставаться полноценным народом, чтобы сохранить самоуважение и уважение других — для всего этого нам нужна Россия. Не будет у нас России — не будет и нас как народа, которым мы стали.

Лишиться России означало бы для нас лишиться и всего приобретенного в ней, остаться лишь с небольшой частью того, с чем мы прибыли когда-то из Германии. То есть, означало бы не вернуться к исходному — с чем выехали, но стать гораздо беднее, чем были тогда. При этом историческая родина ушла от нас, тогдашних, за годы разлуки так далеко, что и общие корни часто уже не ощущает.

Инстинктивное понимание всего этого и делает, наверное, прощание с Россией для выезжающих так перехватывающим горло. На историческую родину мы возвращаемся с ненужным там российским богатством, ненужным, потому что оно — богатство лишь здесь, там же оно лишь раздражающий признак нашей недостаточной "немецкости". Но без этого богатства, только с остатками нашей собственной былой немецкости, мы там совсем "ничтожны", "неполноценны", а значит — не равны в возможностях с "истинными" немцами.

Не раз мы уже говорили о том, что только в России можем сохраниться как народ. Потому что только в ней есть еще шанс получить снова для совместного проживания территорию. И только в ней наша российская составляющая может быть востребована и стать условием полноценной жизни народа.

Вот почему наше будущее как народа так связано с Россией.

Нужны ли мы России?

Но нужны ли мы России? По сути это бестактный вопрос. Бестактный, потому что мы один из народов России, и как наша обязанность — заботиться о своей стране, так и обязанность страны — заботиться о своих народах. Независимо от того, выгодна ли эта забота или нет.

Однако история нам демонстрирует очень ясно, что мы хоть и признаемся одним из народов в России, и вроде имеем со всеми "равные права", но практически никогда не имеем равных возможностей — при разных правителях, в разные для страны времена и даже при разном общественном строе в ней. Значит, чем-то мы все-таки "не такие", как все? Значит, есть обстоятельства, которые заставляют власть относиться к нам иначе? В чем же причина?

Попробуем погадать на исторической гуще.

Могут ли это быть экономические причины? Например, когда в коллективе, в семье, в стране кто-то больше потребляет из общего котла, чем вкладывает в него, то положительных эмоций это, как известно, не вызывает. Потребляем ли мы больше, чем вкладываем?

Не будем возвращаться к дореволюционным временам и уподобляться тем гусям, предки которых Рим спасли. Вклад наших предков в становление Государства Российского таков, что мало кто из других народов той же численности может сказать, что внес больше. Ну, а позже?

После революции немецкие села Поволжья вымели начисто свои запасы хлеба для голодающих рабочих Москвы и Петрограда. Во время гражданской войны и в Поволжье, и на Украине в немецких селах было, как в фильме "Чапаев": белые придут — грабят, красные придут — грабят. То есть, пусть под насилием, но помогали братьям-россиянам, независимо от окраски. В тридцатых годах экономические и культурные успехи АССР НП были таковы, что ее называли "Сталинской республикой" — тогда это не было ругательством, а совсем наоборот.

Во время войны российские немцы на лесоповале, в шахтах, на строительстве заводов на Урале, в рыболовецких хозяйствах, несмотря на то, что были обвинены фактически в сотрудничестве с врагом и заключены в трудармейские лагеря, что ходили под конвоем и получали убивающий голодный паек — работали под девизом "Все для фронта, все для победы!" до полного истощения. И даже в этих условиях были среди них "тысячники", т. е. выполнявшие нормы на 1000 процентов. Зачем?

После войны, на освоении казахстанской Целины, опять же российские немцы были существенной рабочей силой. Не с бухты-барахты же отказал в 1965 году нам А.Микоян в восстановлении АССР на Волге: нельзя, "потому что 500 тысяч немцев уедут из Целинного края, а без них там сельское хозяйство вести невозможно"! Хужей работать надо было, хужей, тогда бы и справедливость восторжествовала…

Какие были самые богатые, благоустроенные, красивые, культурные хозяйства и села на Алтае? — немецкие. А в Казахстане? — немецкие: вспомним хотя бы знаменитый колхоз "30 лет Казахстана" с председателем Яковом Герингом. А в Киргизии? — немецкие. А почему выступали сибирские обкомы и горкомы партии против идеи восстановления республики на Волге? — Потому что с заводов, шахт, из сельского хозяйства уйдут квалифицированные рабочие руки…

Нужно ли продолжать?

Но, может быть, немцы и работали хорошо, и вклад у них был, однако потребляли они еще больше?

Такой вопрос может задать только полный невежда. Потому что любой народ в стране, независимо от своего вклада в общий союзный "котел", обязательно получал из него на развитие национальной культуры, национального образования, национальных СМИ, на подготовку национальных кадров и т. д. Все, кроме немцев. Только у них не было национальных школ, учреждений национальной культуры, практически не было национальных СМИ и, кроме десятка учителей родного языка в год, не готовились национальные кадры. Для сравнения: у киргизов, литовцев, эстонцев (народов, близких по численности советским немцам) в 1982 году на национальную душу выпускалось газет соответственно в 13, 30 и 41 раз больше, чем у немцев; журналов в 330, 1330 и 900 раз, а художественной литературы в 100, 160 и 320 раз больше. Приложите сюда еще "экономию" от отсутствия собственных Советов, исполкомов, профкомов и парткомов, социально-бытовой и прочей инфраструктуры и номенклатуры, — и получится, что российские (тогда советские) немцы были единственным в огромной стране народом, который практически на всем протяжении Советской власти, а по инерции и дальше, жил по заветам Льва Троцкого — в условиях военного коммунизма: от каждого — по максимуму, каждому — по минимуму, и шаг в сторону — выстрел без предупреждения.

То есть, в экономическом отношении мы были самым "рентабельным" народом в стране: работая "хорошо", мы как народ не получали ничего; только как индивидуумы на поддержание трудоспособности. А значит, нахлебниками мы, слава Богу, не были, "доноры" же — еще поискать таких.

Тогда, может быть, причины особого отношения к нам лежат в сфере патриотизма, и у нас его было недостаточно? Ведь патриотизм в России — чувство особое: каждый ругает свою страну и народ, а кто нет — вызывает подозрения.

Опять же не будем касаться прошлого: тот же Георгиевский зал — лишь одно из свидетельств отношения немцев к своей российской Родине, отношения, которое невозможно симулировать. Возьмем более близкие события — начало Великой Отечественной войны. Десятки тысяч советских немцев воевали на фронте. Воевали как минимум не хуже других, потому что война шла против немцев и товарищи по оружию с особым вниманием наблюдали за их поведением. И даже в те катастрофические первые месяцы войны, месяцы небывалых

поражений и отступлений писали о героизме советских немцев. Заметка в "Комсомольской правде" о рядовом Гофмане, попавшем в плен к гитлеровцам, подвергнутом пыткам и найденном потом его товарищами с прибитым к сердцу штыком комсомольским билетом, была опубликована за несколько дней до Указа о "тысячах и десятках тысяч шпионов и диверсантов", которых немцы Поволжья "скрывали" в своей среде.

Константин Симонов, писатель, поэт, военный журналист в своей книге "Живые и мертвые" напишет позже о мнении боевого генерала, которому в 1941 году пришло распоряжение отослать из его частей советских немцев как потенциально неблагонадежных: "дайте мне десять тысяч таких Гофманов (это уже другой Гофман, из его подчиненных), я из них дивизию сделаю и до Берлина с ними дойду!" Не дали. "Рабочие батальоны" сделали и направили в тайгу, сорвав погоны, награды и загнав за колючую проволоку, на нары. Симонов знал о судьбе советских немцев, и первый в советской литературе осмелился сказать несколько слов в их защиту.

Всего полгода были на фронте советские немцы, причем самые трудные. И вдобавок они были немцы. Тем не менее, среди них — 11 Героев Советского Союза…

Треть российских немцев полегла в трудармии, на работе в тылу — работе для Победы. Это больше, чем потеряла самая пострадавшая от войны Белоруссия, через которую дважды прокатился фронт, Белоруссия — колыбель партизанской войны. Она потеряла четверть своего народа — в войне с врагом. Мы — треть в труде на благо своей Родины. Кто еще столько?

После этого гадливо-оскорбительными воспринимаются "сомнения" в патриотизме российских немцев…

Пустые глазницы ушедших трудармейцев смотрят издалека, из таежных уральских болот, из-под застывшего доменного шлака, которым залиты их могилы — могилы строителей оборонных заводов. Смотрят сквозь предрассветное окно на мой стол, на исписанные листы бумаги и диктуют немой вопрос: что еще они недодали своей Родине?

После восстановления государственности репрессированных народов между вернувшимися к родным очагам и теми, кто был заселен в них, иногда возникали кровавые разборки. Может быть, опасения, что и российские немцы будут освобождать свои дома ножом и топором — причина невосстановления их республики?

Спросим опять Историю. Несмотря на всегдашнее инонациональное окружение, российские немцы за 250 лет своей российской истории не имели ни одного конфликта с другими народами (конфликты на бытовой почве не могут считаться

межнациональными). В самой АССР НП треть населения была ненемецкой: русские, украинцы, калмыки, казахи. Добрые отношения с соседями — закон. Бесконфликтность внедрялась с детства: "Der Kluge gibt nach!" ("Умный уступает!") — повторяла нам мать, и детские ссоры мгновенно утихали: умный не ссорится.

1989 год. Москва. Первая конференция нашего первого национального общества "Возрождение". Обсуждается и вопрос о восстановлении нашей автономии на Волге. Мы уже знаем, что там ведется основательная антинемецкая работа. Один из "аргументов" — приедут немцы, выгонят всех из своих домов. Делегаты конференции — со всей огромной страны, многие прошли через выселение, трудармию и комендантский надзор, испытали тысячи несправедливостей в своей жизни и вот уже 48 лет мечтают о том, чтобы вернуться, наконец, "домой" — принимают *единогласно* "Обращение к населению, проживающему на территории бывшей АССР НП".

"Дорогие товарищи!.. Мы заявляем, что, пережив вместе со всем советским народом трагедию войны с ее неисчислимыми жертвами, считаем невозможным для себя требовать возвращения наших домов и имущества, незаконно конфискованных в 1941 году при выселении, ибо не советский народ виноват в этом и тем более не те люди, которые сегодня живут в наших домах. Пусть наши дома, в которых родились мы и которые стали приютом для вас, будут для вас такими же родными, какими были для нас.

Мы заявляем, что не претендуем на город Энгельс — бывшую столицу нашей республики. Пусть он останется таким, как сложился, — современным русским городом.

Мы считаем, что большинство сегодняшних крупных населенных пунктов на территории бывшей АССР НП должны по возможности получить свою автономность в будущей республике, чтобы не нарушать сложившийся уклад, чтобы сохранить полную возможность беспрепятственного обучения на родном языке в школах, чтобы обеспечить и на будущее свободное развитие в них национальной культуры"…

Прошло 12 лет, до сих пор *ни одна* газета в Поволжье не опубликовала это беспрецедентное в истории депортированных народов по своему великодушию и стремлению к добрососедству заявление. Не случайно: оно снимало главный аргумент антиавтономистов и тем самым нужные им страхи населения…

Тот же 1989 год, конец жаркого лета. Мы с Л.Прокопьевым, председателем Госкомнаца РСФСР (будущего Миннаца РФ) — удивительно человечным человеком, на Волге, в гнезде антиавтономизма — Красноармейске (раньше — Бальцер). На

площади — тысячный митинг; транспаранты, лозунги, плакаты — все антинемецкие, будто еще одна война с немцами началась. Народ "разогрет" основательно — не только солнцем. В пароксизме ненависти витийствует седая непричесанная старушка с пеной на губах — буквально. Я здесь чужой, "из Москвы": то, что я из немцев Поволжья — никто не знает. До меня надо "донести настроение народа".

"Да если ко мне придет немец и скажет: это мой дом! — у меня около двери уже стоит топор, за-руб-лю-ю!.."

На встрече в просторном кабинете с "представителями населения" теряется ощущение реальности: в каком мы веке, в какой стране? Откуда столько злобы против своих же сограждан?

Под конец Прокопьев просит меня сказать несколько слов. И тут выясняется для многих, что я тоже немец. Напоминаю им, чем был Бальцер до войны, рассказываю, что самое крупное произведение советской немецкой прозы, роман Г.Завацкого "Мы сами", был написан о событиях 20-30-х гг. в Бальцере, что это фактически гимн дружбе народов — немцев, русских, украинцев, казахов, населявших тогда городок, и задаю риторический вопрос: что испытал бы автор сегодня, побывав на таком "митинге"?

Рассказал и об Обращении "Возрождения" — неожиданность полная. И вспомнил притчу. В крестьянской семье старого деда сажают подальше от стола в угол, с деревянной миской: у него дрожат руки, и чтобы не плескал на стол, чтобы не разбилась, если выпадет, тарелка. Как-то мальчик что-то усердно строгает. Отец: "Что делаешь?" — "Тебе миску, когда старенький будешь…"

Так и с ненавистью к другим: что посеешь, то и можешь пожать.

Долгое молчание…

В 70-80-е годы в СССР был распространен пропагандистский критерий дружбы народов: межнациональные браки. Даже по этому критерию российских немцев невозможно было подозревать в национальной замкнутости и недостаточном "интернационализме": по переписи 1989 года они по количеству смешанных браков были на первом месте — 70 процентов!

Как видим, и подозрения в национальной нетерпимости, и опасения межнациональных конфликтов по вине немцев не имели под собой оснований.

Стоит ли дальше доказывать, что мы не верблюды? Не проще ли сделать другой вывод: было бы нежелание восстанавливать государственность, а причина найдется…

Но еще один аспект нельзя обойти. Вклад народа? — да, но он как-то не очень волнует: был он, есть — и слава Богу!

Патриотизм, преданность Родине? — тоже хорошо; если бы не было, не так бы говорили с вами. Дружба с народами, миролюбие? — то же самое: попробовали бы иначе!

А вот что будет, если не решать проблему немцев?

А будет то, что уже есть. Два миллиона человек выехало. Только экономический ущерб — около 50 миллиардов долларов США (такова же прибыль "принимающей стороны"). Да плюс утрата научного, культурного, образовательного, генетического, демографического, морального, нравственного потенциала.

Люди, тем более народ — тоже капитал. Самый ценный. Сегодня он сам вынужден определять, где надежнее, где лучше избежать инфляции-ассимиляции.

Так что нужны мы России. Не всем, кто в ней правит, но всем, кто думает о ее будущем, кто и есть Россия. И чем ей труднее, тем мы нужней. Пока же…

Сколько мы там должны Парижскому да Лондонскому клубам? Хоть договорились бы с Западом, что выезд немцев идет в погашение долгов — был бы наш прощальный вклад в развитие нашей Родины…

Товарная власть -

не государственная власть

Если мы, как ни крути, нужны России, если мы никакой своей ипостасью не вредим ей, то почему же не решается уже 60 лет наш вопрос? Разумных причин, т. е. вызванных интересами государства, как видим, не просматривается. Вызванные же местническими, групповыми интересами или личностными эмоциями — это, думается, причины не того уровня, чтобы исходить из них в политике государства.

К тому же ведь приступали уже, и не раз, к решению нашего вопроса. Когда восстанавливали государственность другим народам, не могли же забыть, что немцы тоже были репрессированы. Когда принимали Указ 1964 года, ведь не забыли исключить возвращение в родные места. Когда в 1972 году сняли ограничения в прописке — явно допускалось восстановление автономии явочным путем. А попытка создать автономную область в Казахстане в 1979 году? А обещание в 1988 г. восстановить республику через полгода? А интенсивный поиск решения в 1989 г.? Создание Парламентской, затем Государственной комиссии по проблемам немцев?

А Закон "О реабилитации репрессированных народов" 1991 г., где прямо указывается необходимость восстановления

государственности?

А Протокол о сотрудничестве между Россией и Германией в поэтапном восстановлении нашей государственности?

Да что еще нужно, чтобы решить, наконец, этот вопрос?! Только выполнить, что решено! Так что мы вполне можем сделать вывод: Россия и сама признала, что мы ей нужны — тем, что приняла уже нужное нам (и ей) решение. Она только еще не выполнила его. Почему?

Воли не хватает, политической воли тех, кто у власти. И готовности действовать в интересах своего государства. Можно ли было ожидать этого от Ельцина, этой политической прорехи в истории России? — Нет. Потому что сам он был безмерно далек в своих интересах и действиях от интересов государства и потому что не он правил Россией, а им самим правили — люди, еще более далекие от интересов "этой" страны.

Изменилась ли ситуация с уходом Ельцина? Подождем: эстафетный скипетр еще не полностью вырван из рук предшественника…

Однако сегодня возникла новая опасность для нас: идея губернизации страны, под которой понимается одновременно и роспуск национально-территориальных образований. Возникла она в ответ на разрушительный процесс суверенизации регионов (помните Ельцина: "Берите себе суверенитету, сколько проглотите!"), особенно болезненно воспринимаемый страной в национальных республиках; апогей — Чечня.

Национальная окрашенность чеченской трагедии бросила тень подозрения на все национальные образования. Но по трезвом размышлении — виноват ведь не "национальный вопрос", который горячие головы хотят снять в России вообще, "отменив" эти национальные образования и перекроив страну по-новому.

Суверенизация пошла не от народов, испокон века имеющих свои территории: каждая деревня еще недавно готова была объявить себя суверенным государством. Причина и не в административно-территориальном делении — оно есть в любой стране, потому что необходимо.

Причина в том, что Ельцину на пути к власти надо было сделать глав регионов своими сторонниками, чтобы использовать их административный ресурс на выборах. Поэтому он и бросил им кость суверенизации, т. е. отдал им их регионы на откуп. Получив региональную государственную собственность в управление, т. е. в разграбление, они затем не захотели больше делиться ею с "верхами": кому нужна власть *над собой?* — только под собой; отсюда и стремление к суверенитету как неподконтрольности.

Когда будет опять выстроена нормальная система государственной власти, ни региональные, ни национальные образования не будут ей помехой. Наоборот, опять станут необходимыми ее звеньями. Тем не менее, родной наш принцип: разрушить до основанья, а затем… — этот принцип как призрак снова бродит по России. И отражается в том числе на решении нашего вопроса.

Суверенизация в национальных образованиях — то же самое стремление, как и в других субъектах Федерации, получить вотчину в бесконтрольное управление. Только действующие силы здесь — национальные кланы, цель — обеспечение клановых интересов, а дымовая завеса — "национальный вопрос". Суверенизация и здесь — заказ начального, т. е. неконтролируемого рынка, это и здесь — рыночнизация власти как в других регионах, только с универсальным использованием национального вопроса — для защиты от воздействия извне, для получения поддержки собственного народа и для отражения федерального внимания сверху.

Все это логично. Потому что после развала СССР, после разрушения системы власти суверенная (неподконтрольная) власть стала самой выгодной сферой бизнеса. Известное изречение: дайте капиталу прибыль в 300 процентов, и нет такого преступления, перед которым он остановится, — это изречение детский лепет перед прибыльностью и всеготовностью сегодняшней власти. Не 100 процентов, не 300 и даже не 1000 — здесь показатель прибыли: он фактически неограничен. Отсюда и беспредел власти, точнее, капитала во власти; отсюда и небывалый накал кровавой борьбы за захват власти, за удержание власти, за передел власти — на всех уровнях, где есть что урвать. Отсюда и небывалый приток во власть представителей бизнеса и криминала, и небывалые взятки и траты за место депутата или чиновника. Не случайно же сегодня в одной России чиновников в два с половиной раза больше, чем было во всем СССР; больше — хотя территория и население резко уменьшились, 20-миллионной "номенклатурной" КПСС больше нет, а экономика на нуле. *Власть стала товаром!*

Кому же выгодно в этих рыночных условиях укрепление государства? Тем, кто пришел во власть, чтобы брать, — невыгодно. Потому что крепкое государство — это и строгий порядок, а значит препятствие, чтобы брать. Не нужно им и решение долгосрочных, стратегических проблем государства — ни в экономике, ни в обороне, ни в науке, ни в культуре и образовании, ни в медицине. Потому что это расходы во имя будущего государства, сегодняшней же личной прибыли, "личной

собственности" — никакой. Тем более не нужно им решение каких-то национальных вопросов. Вот если национальный конфликт — на нем еще можно заработать, и чем он больше, тем лучше: больше денег выделят. Чеченский вопрос наверняка давно был бы решен, если бы кому-то не было выгодно его продолжение.

В решении государственных проблем — стратегических, долгосрочных, к которым относятся и национальные — могут быть заинтересованы только те, кому будущее страны дороже собственного кармана. Пока же власть — отрасль на рынке, причем наиболее доходная отрасль, где идет быстрое накопление личного капитала, и не за счет производства, а за счет присвоения и продажи государственной собственности, за счет властного рэкета и лоббирования, — до тех пор никакие проблемы в интересах государства решаться не могут. Этому будут сопротивляться изо всех сил на всех уровнях власти, во всех ее структурах, куда проникли алчущие собственности. Ибо укрепление государственной власти означало бы конец рыночной власти.

В этой ситуации наш вопрос никак не мог быть решен в последние десять лет — он не давал никому большой и мгновенной личной прибыли. (Собственная наша подрядная мелкота — не в счет: пробивной силы их интересов хватило лишь на разработку и проталкивание "Федеральной программы"). Решить наш вопрос в таких условиях можно было только одним путем: принять четкое решение о восстановлении нашей государственности, превратить его выполнение в масштабный проект, задействовать в нем самого заинтересованного подрядчика — народ, выделить под проект достаточное финансирование и установить жесточайший государственный и общественный контроль за его использованием. Но первое было невозможно, а остальное, низведенное до попытки наших "новых российских немцев" создать себе на десять лет кормушку-программу, превратилось в фарс — в т. ч. из-за финансирования и без того убогой программы в объеме трех процентов — большего наши стратеги-подрядчики освоить не могли, а потому о большем и не говорили.

Но если главная причина развала государства и нерешения его стратегических проблем, в том числе национальной, — рыночность власти, то суверенизация как следствие рыночности власти и тем более сам институт национальных образований не могут считаться препятствием решению нашего вопроса. Поэтому надо не разрушать национальные образования только потому, что и в них буйствует общий рыночный беспредел, а обеспечить и в

них защиту власти от оголтелой ее конвертации в деньги и собственность.

Разрушать национальные образования только потому, что во главе их — тоже рыночная власть, значит наказывать народы вместо этой власти, значит лишать их национального будущего, значит разрушать основу многонациональной страны. А еще это значит вызвать взрыв мощных национальных чувств, заставить уже народы защищать свои подлинные национальные интересы и при этом спровоцировать теснейший союз между народами и паразитирующими на них собственниками во власти на борьбу с федеральной властью. То есть, вместо помощи народам в освобождении их от рыночной власти получить слияние интересов сегодняшних антагонистов и — тиражирование Чечни.

Государству никогда нельзя забывать, что народы — его дети, его надежда и опора, его будущее. Как оно обойдется с ними сегодня, такое отношение к себе получит от них завтра. Народы объективно *за* сильное государство, способное их защитить, *за* порядок в государстве и — *за* единое государство, без которого им в одиночку не выжить. И никогда нельзя смешивать национальных рыночников во власти и сам народ, страдающий от этих рыночников.

Таким образом, жупел суверенизации, по внимательном рассмотрении, также не может служить причиной нерешения нашего вопроса.

Что еще стоит на нашем пути? Отсутствие у государства средств? — Но нерешение нашего вопроса обходится государству в десятки раз дороже. Страна должна внешним кредиторам? — Но, может быть, и здесь есть выход? Может быть, удастся совместить проблемы внешнего долга страны с проблемой ее внутреннего долга перед одним из ее репрессированных народов? Может быть, попробовать договориться и реструктурировать часть долга нашей страны, допустим, той же Германии, в инвестиции в решение проблемы российских немцев? Это ведь может оказаться выгодным и Германии — иначе принять и обустроить еще полтора миллиона российских немцев с членами их семей тоже ведь влетит на первых порах в копеечку.

В любом случае, если думать об интересах страны, то выход найдешь. Тем более в нашей проблеме — выгодной и перспективной для страны, способной привлечь поддержку извне как мало какая еще…

Господи! Сколько вариантов решения нашей проблемы мы уже предлагали! Какие аргументы "за" ни приводили! Какие "контраргументы" ни опровергали! Как скрупулезно ни учитывали постоянно меняющуюся конъюнктуру! "Нельзя" восстановить

республику сразу — давайте поэтапно. "Нельзя" сейчас на Волге — давайте рассмотрим варианты. "Нельзя" в данный момент восстановить территориальную государственность — давайте пока государственность без территории. Для каждой "тяжелой" ситуации мы находили выходы и разрабатывали предложения. Потому что всегда понимаем: у страны, у власти есть трудности. И входим в положение. И стараемся помочь — сделать хотя бы то, что на данный момент возможно.

Но почему-то ответного понимания не видим. В ответ — ничего. Ни в 1965, ни в 1989, ни в 1991, ни по сегодняшний день.

Но не может же так быть, чтобы никогда, ничего невозможно было сделать за целых 60 лет! Ведь не полные же паралитики перманентно у власти в стране.

Ну, пусть при Хрущеве чувства справедливости хватило лишь на восстановление государственности пяти репрессированных народов, на шестой его уже не достало. Пусть при Брежневе еще сильны были у "государственных" деятелей личные негативные эмоции к немцам вообще — все же прошли через войну, и позитивных чувств удалось настимулировать лишь на 17 миллионов ГДР-овцев да на затяжные поцелуи с Хонеккером; на своих два миллиона их оказалось совсем тю-тю. Пусть при Ельцине вообще никаких положительных чувств ни к кому не было, буйствовала только низколобая страсть к власти, к собственности, к наживе, к разрушению собственного государства.

Ну, а сегодня? Что сегодня-то мешает? Есть другие проблемы? — А бывает, чтобы их не было? Наша проблема не самая актуальная? — Но жизнь отдельного человека тоже не самая актуальная проблема в стране, однако "скорая помощь" прибывает к нему сразу; а тут речь идет о жизни целого народа. И какой бы ни была проблема в государстве, если она есть, значит ее все равно надо решать. Ибо не решая менее важные, получишь из них более важные…

Мы не любим тех, по отношению к кому были несправедливы. Тот самый случай?..

Россия — тюремщик

или сокамерник?

Когда человеку плохо, все кругом плохо. И все виноваты. А когда плохо народу? Когда он столько лет не может ничего добиться? Даже выполнения принятых самой же властью нужных решений? Кто тогда виноват?

Ответ напрашивается как бы сам собой: геноцидный указ 1941 г. принимался на уровне руководства страны; все дискриминационные указы принимались на уровне руководства страны; и восстановление справедливости, реабилитация народа блокировались на уровне руководства страны, — значит, виновата страна. То есть Россия. По всем законам, по всем юридическим принципам, по всем общепризнанным правилам — виновата она. Россия нас несправедливо обвинила, Россия нас необоснованно выселила, Россия нас уничтожала в трудармии, дискриминировала после войны и до сих пор не решает нашей проблемы, выталкивая народ в эмиграцию. То есть мы для нее чужие. А значит, и она для нас не Родина, не мать, но мачеха… Все железно…

Однако не принимают почему-то эту железную логику ни голова, ни сердце. Что-то звучит в ней нечестное, хотя и все вроде "по закону". В чем же дело?

Наверно, трагедии и несправедливости, которые пережили российские немцы, обострили в них чувство справедливости по отношению к другим. (Помните Обращение к населению в Поволжье?) Они осторожны в обвинениях, им надо сначала выяснить причину того или иного отношения к ним.

И тут встает вопрос: а могло ли быть иначе с их проблемой? Не абстрактно, а в конкретной стране, в конкретных условиях, при конкретной власти, при конкретных правителях? Вряд ли нужно углубляться в анализ перечисленного, чтобы прийти к горькому выводу: *не могло*. И это не попытка оправдать несправедливость; это лишь удручающая констатация ее неизбежности.

И еще одна такая же констатация.

За эти десятилетия, при этих руководителях (особенно при Сталине и Ельцине) не только российские немцы пережили невиданные катастрофы, но и практически все другие народы страны, включая русский народ. И тоже не могли ничего добиться. Но ведь народы и есть государство. Значит, и СССР, и Россия, которыми эти руководители правили, в лице этих народов сами страдали вместе с нами, пусть и немного иначе. Конечно, нельзя полностью персонифицировать такое огромное, такое вселенское зло. Но еще более нельзя *де*персонифицировать его, переложив полностью на страну, на ее народы. Это как с холокостом: преступление совершили одни, а расплачиваются десятилетиями другие.

Так кто же совершил преступление против нас, лишив наш народ государственности, сотен тысяч жизней, национального будущего и не решая более полувека наш вопрос? Россия? Но

Сталин — это Россия? Берия — это Россия? Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев, Ельцин — это Россия? Это народы России? Кто вообще из руководителей нашей страны после революции был избран на честных выборах? Какая власть за последние 84 года пришла или удерживалась у нас у власти без насилия, без террора, без подлога и обмана? Можно ли считать такую власть — Россией? Или это лишь власть *над* Россией?

Для большей конкретики: можно ли считать, что кучка чиновников в одном каком-то российском министерстве, которым отданы в "суверенное пользование" наша проблема и наша Программа, вместе с понукающими ими алчными подрядчиками тормозящие и дискредитирующие решение нашей проблемы — это Россия?

Если это — Россия, тогда кем являются народы, не могущие, как и мы, прорвать заколдованный круг невнимания к их проблемам? Кем являются миллионы тех простых людей разной национальности, которые помогали нам выжить в Сибири и Казахстане — нам, немцам, обвиненным в сотрудничестве с немцами, с которыми воевали отцы и братья этих людей? Кем являются 160 миллионов российских граждан, не имеющих в своей стране нормальной жизни сегодня и никакой уверенности в дне завтрашнем? Кем являются те миллионы людей, с которыми мы два с половиной века дружно живем, вместе работаем, кто понимает и поддерживает нас и кто с плакатами стоит на наших съездах: "Немцы, не уезжайте!"

Если мы поймем, наконец, что Россия, замученная и не способная уже почти целый век освободиться от крестоносцев чужих ветхозаветно-свирепых религий, марксистского ли, "демократического" ли толка, — сама все эти годы пыталась из последних сил выжить, то понятия "руководство" и "Россия", "власть" и "Россия", а следовательно, и понятия "вина" и "Россия" вряд ли будут так уж полностью совпадать.

Отсюда, наверное, и объяснение необъяснимой связи российских немцев с Россией: для них она не палач, не тюремщик, а больше их сокамерник. И с ней, с подлинной Россией, они всегда найдут общий язык и взаимопонимание. И для них сегодня вопрос не столько в том, кто виноват в их трагедии и в нерешении их проблемы, сколько в том, как *вместе* решить их проблему. И еще в том, сможет ли В. Путин переломить, наконец, ситуацию в стране? Хватит ли у него сил, воли и сторонников, чтобы его голос стал не единственным опять для России, а единым голосом самой России? И хочет ли он этого? Или его тоже засосет власть как вожделенная самоцель, а не как данное судьбой последнее средство спасти свою страну и

ее народы?

От ответа на эти вопросы зависит и будущее страны, и будущее российских немцев. И если мы сегодня еще раз говорим обо всем этом, то только потому, что еще раз — в который уже! — готовы поверить: будущее у России, и у нас как ее народа, возможно.

IV. Германия и проблема российских немцев

Гены виновности

Во всей полноте сегодняшняя проблема российских немцев встала перед Германией только начиная с 1989 года. До этого Западная Германия касалась лишь ее выездного аспекта, а ГДР вообще безмолвствовала: о чем молчал "старший брат" — СССР, "младшему" не положено было и думать.

Но в истории, судьбе российских немцев Германия в предшествовавшие времена сыграла такую большую роль, причем дважды просто катастрофическую, что, не проследив эту роль хотя бы в *основных* ее чертах, невозможно полностью понять нашу проблему и сегодня.

То, что Германия — историческая родина российских немцев, и даже то, что они — не потомки военнопленных, сегодня известно уже многим в России, даже на уровне руководителей областей и краев, в отличие от их предшественников в обкомах и крайкомах партии. Но то, что наши предки прибыли в Россию, когда нашей исторической родины в виде единого государства под названием "Германия" еще не существовало; то, что российские немцы как народ минимум на сто лет старше государства Германия — почти не известно даже в самой Германии. А ведь это тоже сказалось на нашем народе: Германия объединилась и избрала государственным языком "хохдойч" через сто лет после нашего исхода, поэтому нашим родным языком не мог быть "хохдойч", а *навсегда*, до сегодняшнего дня, остались привезенные нами в Россию диалекты — языки прежних германских земель. Мы в России со своими селениями были как маленькое подобие, как макет, как вынесенная в другую страну резервация прошлой Германии — каждая село-"земля" жила отдельно (гессенская, баварская, вюрттембергская и т. д.), почти не смешиваясь с другими, со своим диалектом, своим укладом, своими традициями, даже со своей религией, — практически до депортации в 1941 году, "объединившей" нас, наконец, в страданиях, репрессиях, в лишении национального будущего.

Связи с Германией у нас после исхода практически не было. Так что жили мы и развивались как новый народ во многом на собственной, принесенной с собой в Россию, базе, а затем после депортации — в условиях ее отсутствия. И мы никак не могли

пройти путь, параллельный тому, который прошли после нашего исхода Германия и ее народ. Поэтому только недоумение может вызвать сегодняшнее недоумение в Германии по поводу того, что российские немцы — не такие, как они, что говорят они не на "хохдойч", и вообще не немцы. Немцы они, немцы! И может быть, еще больше немцы, чем многие из недоумевающих. Потому что сохранили в себе больше глубинно немецкого…

Первое масштабное отрицательное проявление роли Германии в судьбе российских немцев связано с войной 1914 — 1918 гг. "Гадины тыла", "немецкие шпионы", "немецкое засилье" и выселения по национальному признаку — это все относилось к нам, потому что война шла с Германией, т. е. с немцами. И первое смешение понятий "нация" и "национальность" — тоже из того времени. Мы были немцы по национальности, но уже сто пятьдесят лет *не были частью германской нации*. Мы были гражданами России и частью российского народа, т. е. частью российской нации. Тем не менее, мы были немцами, и в условиях войны этого было достаточно для недоверия и "превентивных мер".

Октябрьская революция, покончив с войной, избавила от дискриминации и российских немцев. Вдобавок в развитии "мировой революции" самые большие надежды большевики возлагали на Германию. Отсюда и резкое изменение политики в отношении к ней, что позволило произойти серьезным превращениям "гадкого утенка": в 1918 году была создана Трудовая Коммуна (Автономная область) немцев Поволжья как начало практического решения национального вопроса в России, а в 1924 году — и АССР немцев Поволжья. Но, одной рукой "защитив" российских немцев, другой Советская власть лишила их самоуправления, которое было у них около полутора веков, и ввело и для них государственное управление, что сделало их еще больше неотъемлемой частью российской нации.

Фашизм, пришедший в начале 30-х годов к власти в Германии, тоже отразился на нашей судьбе — еще до начала войны. Однако степень его воздействия зависела не столько от него самого как явления, сколько, как можно понять, от планов Сталина и роли, отводимой фашизму в этих планах. Тем не менее, он сказался на нашей судьбе гораздо сильнее, чем в целом по стране, опять же в связи с общим "пятым пунктом" — немецкая национальность становилась все больше признаком чуждой идеологии.

(Это гитлеровская *национал-социалистическая рабочая* партия с ее *расовой* теорией и теорией крови могла не считать опасными чуждых по классу и национальности русских эмигрантов,

прибывших в Германию всего 20 лет назад, и никак не трогать их во время войны с Россией. А *интернациональная* сталинская коммунистическая партия (бывшая социал-демократическая и тоже *рабочая*) с ее *классовой* теорией видела в своих братьях по классу и даже по партии независимо какой национальности: немец, чеченец, ингуш иль друг степей — калмык, и независимо от того, когда они прибыли в Россию или жили здесь тысячу лет, — сплошных предателей и врагов, от грудных младенцев до глубоких стариков — по генам, по крови.)

Но сокрушительный, длящийся до сих пор удар по судьбе российских немцев нанесла Германия нападением на Советский Союз. Это был системный удар по ним: удар как начало войны для всех граждан страны; удар потому, что напали *немцы*; удар потому, что во всех странах, которые подмяла уже Германия, немецкие общины рассматривалась ею как своя "пятая колонна", и не всегда безосновательно; удар и потому, что в первые же дни войны немецкое население Приднестровья "стреляло по отступающим советским войскам и хлебом-солью встречало гитлеровцев". И пусть это "немецкое население" было всего лишь год как присоединено к СССР и советские немцы не имели, таким образом, никакого отношения к нему, гены ведь были одни, а значит, и вина, и наказание должны быть общие.

Тогда военачальники испрашивали указаний о выселении "неблагонадежных элементов". Сталин не задержался с ответом: "Товарищу Берия. Надо выселить с треском". Чуть позже это было сделано и со всеми советскими немцами, по принципу коллективной (или генной) вины и коллективной (генной) ответственности. А то, что гитлеровцы наступали стремительно, лишь усугубило эту вину, пусть и только предполагаемую.

Последствия того удара страшны: тяжелейшие несправедливые обвинения, депортация, ликвидация государственности, гибель трети народа на каторжной работе в трудармейских лагерях, насильственная ассимиляция, нескончаемая дискриминация во всех сферах жизни — и 60 лет тщетных надежд, страданий и борьбы за восстановление элементарной справедливости, за будущее народа.

Трудармейские лагеря для российских немцев были вполне сравнимы с концлагерями в фашистской Германии. Отличия лишь в том, что там был буковый лес, а здесь — ледяная тайга; там под конвоем ходили "враги" страны, здесь — свои; там ждали своей участи за воротами с надписью "Jedem das Seine" и издевательским "Arbeit macht frei", здесь работали как и вся страна под жертвенным лозунгом "*Все* для фронта, *все* для победы"; там начальниками лагерей для евреев были немцы, здесь

как правило наоборот; там обтянутые кожей скелеты закапывали в глубокие рвы, здесь вывозили в снег, в болото, под речной лед.

Различия были и в послевоенной судьбе: там узникам концлагерей сразу свобода, внимание и до сих пор — компенсации; здесь — еще годы в тех же бараках, еще 10 лет спецпоселений и на десятилетия — клеймо пособника врага, официальная подозрительность и дискриминация. Так что советские концлагеря, а не только балет и ракеты, как в песне — тоже были "лучшие в мире".

Создание ГДР несколько смягчило тотально враждебное восприятие всего немецкого, извилистой трещиной в прежнем монолите недоверия к немцам наметило границу между национальностью и идеологией: оказалось, немцы могут быть не только фашистами, но и товарищами хотя бы по классу. Однако к *российским* немцам эти перемены не относились: мы до сих пор — *единственный* народ из всех пострадавших от гитлеровского нападения, *несущий наказание за это нападение.*

То, что у нас шестьдесят лет нет государственности, нет ни одной национальной школы, нет условий, чтобы жить опять вместе; то, что мы почти утратили свой родной язык, лишились базы своей национальной культуры и стали "народом доярок да трактористов"; то, что нас принудительным расселением по всей стране обрекли на беспрецедентное количество смешанных браков и, как последнее отчаянное средство для сохранения национальности, на массовую эмиграцию с оставлением — в который раз! — всего, что нажито было с таким трудом, и с холодно-высокомерной встречей на "исторической родине" — после всего пережитого здесь! — это тоже последствия гитлеровского нападения.

Когда речь идет о преступлениях фашизма, о жертвах и страданиях народов, наиболее постоянно и страстно звучит колокол памяти и возмездия холокоста. Другие колокола звучат все глуше, хотя жертвы, понесенные другими народами, были не меньше. В самом деле, 20 000 000 человек, которые потерял в войне советский народ — может ли кто-нибудь вообще представить себе, *что* это за потеря?! Каждый четвертый, которого потерял белорусский народ — вообразима ли эта катастрофа народа? А миллионы украинцев? А сотни тысяч, десятки тысяч представителей меньших народов, что составляло тоже невосполнимую долю их этносов?

В этом ряду российские немцы, потерявшие *треть* народа, могут, наверное, тоже позволить себе, наконец, сказать, что пострадали от той войны. И не меньше, чем другие. И что по своим последствиям нападение гитлеровской Германии для них

— тот же холокост, его полное синхронное зеркальное отражение: и причины у него были те же — принадлежность к определенной национальности; и методы его осуществления те же; и результаты сопоставимы — даже если ограничивать их только временем окончания войны. Отличия же в том, что *этот* холокост Гитлер осуществил не своими руками, а руками Сталина. И в том, что об *этом*холокосте никто никогда за все послевоенные десятилетия даже не упомянул. И в том, что *этот* холокост не компенсирован ни миллиардами долларов, ни извинениями перед народом, ни памятниками и кладбищами, ни приговорами международных судов. И в том, что никто из потерпевших от *этого* холокоста *даже не потребовал* никогда никаких компенсаций: живым за мертвых, от живых вместо казненных…

Да, если бы не было нападения Германии — не было бы всех этих жертв у нашей страны, не были бы репрессированы российские немцы, не были бы репрессированы другие народы, не было бы мучительного, унизительного, бесконечного неравноправия российских немцев, не было бы их отчаянного беспрецедентного для новейшей истории человечества выезда. Все уходит корнями туда, в июнь 41-го. Все зовет, требует ответа: *ведь если бы не было нападения Германии…*

И опять, как в вопросе о вине России в трагедии российских немцев, голова и сердце перед вынесением своего вердикта начинают уходить из-под власти эмоций. Вопреки всему, что пережито, вопреки всему, что видено, слышано и читано, вопреки всей железной святой и неприкасаемой логике в них зарождаются — и уже не исчезают, не потухают — категоричные, императивные ноты чувства справедливости. Справедливости, которой так долго мы не можем дождаться для себя. И как в вопросе о вине России, опять возникает эта логическая цепочка: Гитлер — это Германия? Нацисты, фашисты — это германский народ? Тоталитарный режим — это страна? Это германский народ начал войну? Это он устами фюрера за двадцать лет до войны провозгласил, что народ, который не в состоянии обеспечить себе "жизненное пространство", не достоин существовать? Это он был готов потерять 8 миллионов своих сынов, чтобы восстановить против себя весь мир, разрушить дотла свою страну, лишиться огромной части своей территории, дать победителям оккупировать ее на десятилетия, расколов на два враждебных государства, — и платить, платить, платить миллиарды и миллиарды марок и в первом, и во втором, и в третьем поколении за все новые вины — тех, кого уже давно нет на этом свете, тех, кто обрек *сам германский народ* на невиданные жертвы, лишения и унижения?

Не пострадал ли германский народ от этой войны сам так же, как пострадали те народы, на которые направил его фюрер, готовый пожертвовать *всем,* — и своей страной, и своим народом, и собственной жизнью — ради реванша за прежние унижения? И отвечает ли народ за действия своих диктаторов-тюремщиков, чьей жертвой-заключенным является сам?

Впрочем, зачем ломиться в открытые двери? "Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, германским государством. Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остаются". Это сказано не сегодня и не рядовым обывателем-правдолюбом. Это заявил Сталин своему народу, чтобы услышал и германский. Заявил не под залпы салюта Победы, как в минуту великодушия победитель побежденному, а 23 февраля 1942 года, в дни смертельной опасности для своей страны, когда гитлеровские войска были всего в 150 км от Москвы…

Но ломиться в эти двери тем не менее приходится и сегодня. Потому что *открытыми* они были и остаются только в сознании немногих и для узкоцелевого использования. "Убей *немца*!" — этот призыв к холокосту против *немцев* советского писателя и поэта Ильи Эренбурга относится к тем же временам. И в те же времена *на практике* уже давно и официально, с одобрения того же Сталина, отождествили с "кликой Гитлера" не германский народ и даже не часть его, а советских немцев, обвинив, выселив, загнав в трудармейские лагеря на массовую гибель только потому, что они тоже были *немцами*. И преодолеть этот синдром отождествления не удалось и за 60 лет…

Именно потому, что решение нашей проблемы в России так намертво связано, сцеплено, сплавлено с отношением к Германии и ее народу, вопрос о их виновности или невиновности в сознании тех, от кого зависит наша судьба, как был многие десятилетия, так и остается вопросом нашего будущего. И не только нашего.

Потому что есть еще такое понятие как *человечество*. Есть все возрастающий по своему значению вопрос о том, как этому человечеству выжить на все более тесной Земле. Вопрос, который диктует другой вопрос: как народам жить друг с другом, чтобы выжить вместе? И может ли народ, более полувека назад из-за ненормального фюрера втянутый в самую разрушительную и бесчеловечную войну, из-за этого фюрера понесший столько жертв, унижений и бед, — долго ли еще этот народ может считать для себя справедливым из поколения в поколение *нести свою трагедию как свою вину*? Не вызовет ли в конце концов такой перенапряг к политической жизни нового кандидата в фюреры с

таким же нестерпимым, до полубезумия, чувством оскорбленного национального достоинства за прошлые поражения, за бесконечную вину и за бесконечное наказание?..

Да, российские немцы из-за нападения Германии лишились практически всего и до сегодняшнего дня не имеют надежд на будущее. Но как отторгают сердце и разум у нас обвинение в нашей трагедии России и русского народа, так не принимают они и предъявления счета Германии и германскому народу. Тем более сегодня. В третьем послевоенном поколении.

И опять мы как будто ломимся в открытую дверь. Теснейшие связи СССР с бывшей ГДР, все развивавшееся сотрудничество с Западной Германией, прямо-таки теплые отношения с ее канцлерами Вилли Брандтом и Гельмутом Шмидтом, создание "режима наибольшего благоприятствования" для объединения Германии при Горбачеве, встречи с галстуком, без галстука и безо всего с "другом Гельмутом" Ельцина, деловые и семейные встречи с "другом Герхардом" Путина, широкая кампания "примирения и согласия" между двумя странами вплоть до встречи их ветеранов — участников кровопролитнейшей Сталинградской битвы на месте былых боев — все это, казалось бы, говорит о том, что тезис о неотождествлении германского народа и германского государства с кликой Гитлера принят, и уже давно, хотя бы на уровне руководства нашей страны. Но если это так, то почему же до сих пор не преодолен синдром отождествления с гитлеровской кликой *российских немцев*, вообще не имевших к ней никакого отношения?

Давно уже выдвинута еще одна версия начала войны: Сталин готовил массированное вторжение в Европу, что и вынудило Гитлера нанести превентивный удар, хотя он к нему и не был еще готов. Эта версия (опровержения ее до сих пор нет) придает целям, содержанию и итогам всей войны совершенно иное звучание. Известно: Россия заплатила 20 миллионами жизней своих сыновей, разрухой страны и десятилетиями страданий и лишений всего своего народа *ради своей свободы, ради освобождения Европы, и в том числе Германии, от гитлеровского фашизма.*

Но по этой версии получается, что и Германия, *не будучи готовой* к войне и тем не менее вступив в войну, сознательно вызвав всемирный огонь практически полностью на себя, заплатила 8 миллионами жизней своих сыновей, разрухой своей страны и всеми остальными бедами — *чтобы не допустить установления у себя и в Европе сталинского "коммунизма"*.

То есть причиной, целью и содержанием войны *объективно* было вожделенное с обеих сторон господство в Европе. Итогом же

войны *объективно* стала свобода Европы — и от гитлеровского фашизма, и от сталинского "коммунизма". Ради этого (опять же лишь *объективно*, т. к. на деле имели прямо противоположные цели) понесли такие колоссальные жертвы две страны, не дав диктатурам друг друга добиться своих целей взаимоуничтожением подготовленных для этого сил, не дав диктаторам друг друга стать диктаторами для всей Европы…

Военные историки, специалисты, политики, без сомнения, еще скажут здесь свое компетентное слово. Нам же тут важно, чтобы два народа, стряхнув с себя комплекс вечной вины за своих жестоких диктаторов и комплекс противостояния, не позволяя снова и снова морально загонять и удерживать себя в *не их* прошлом кровавом конфликте, потрясшем весь мир, смогли бы наконец продолжить многовековое свое сотрудничество, давшее им так много. *С*отрудничество, в процессе которого они породнились друг с другом — политически, экономически, культурно и миллионами и миллионами потомков от смешанных браков — как ни с каким другим народом. Породнились и потому, что в результате их таких близких отношений в мире появился их общий "ребенок" — народ под названием "российские немцы", соединивший в себе неразделимо историю, культуру, ментальность, а теперь и гены обоих народов.

Установится это сотрудничество, это взаимное, родственное доверие и согласие — и этот народ, больше всех и несправедливее всех наказанный обоими своими родителями за несуществующую вину, снова обретет будущее. А следовательно, и огромные *его* жертвы окажутся не напрасными: они смогут и должны быть, наконец, учтены. Его 316 трудармейских "полков" (и сколько еще за пределами лагерных вышек!), его нечеловеческий труд во имя Победы, и сотни тысяч отданных за нее жизней — это его вклад в защиту России, в свободу Европы, в освобождение Германии.

И столько лет храня и оберегая в себе честь и достоинство своих родителей, стиснув зубы, трудясь, умирая, но не обвиняя их, — народ российских немцев хотел бы в ответ сегодня совсем немногого: чувства справедливости. От сегодняшней России, от которой этого уже можно ожидать. И от Германии, чьи свобода, демократия и сегодняшнее благополучие омыты и кровью *трети нашего народа.*

Этого чувства хотелось бы сегодня от населения Германии, так дистанцирующегося от "русских немцев". Или хотя бы от тех, кто занимается там сегодня обустройством "поздних переселенцев", скрупулезно выясняя, на сколько параграфов они вообще немцы и на сколько социальные пособия и пенсии для них

и их русских супругов должны быть меньше, чем у "настоящих немцев". В смертельной борьбе за свободу Германии и ее народа от фашизма одновременно лилась кровь и русская, и немецкая, и многих других народов, в том числе российских немцев. Устанавливать ей прейскурант сегодня — значит забыть о ее цене тогда.

С энергией надежд и заблуждений -

через "мертвый сезон"…

Прошло почти 45 лет после войны, прежде чем перестройка в СССР позволила установиться первым серьезным контактам между российскими немцами и Западной Германией. Это было в октябре 1988 г., когда канцлер Гельмут Коль в Москве, в германском посольстве, неофициально встретился с группой российских немцев. Их было шесть человек: Лео Ракк, Виктор Гердт, Катарина Тевс, Виктор Шнитке, Ирена Лангеман и автор этих строк. Неожиданностью для канцлера было, что не просили содействия в выезде, как другие, а говорили о восстановлении государственности.

Численность людей в штатском в скверике перед посольством после встречи позволяла догадаться, что и для российской стороны такая встреча, несмотря на перестройку, из ряда вон. Понятно: сорок лет подобного быть не могло. Было другое: репрессии и несправедливости в прошлом, неравноправие и дискриминация в настоящем, стремительная ассимиляция, отказ в восстановлении АССР НП в 1965 году, отсутствие надежд на национальное будущее, стремление хоть как-то сохранить немецкость, уйти от подозрительных, недоверчивых, враждебных взглядов, от постоянных преград в продвижении по службе, от дискриминации даже в представлении к наградам за хорошую работу, от преследования за веру, от необходимости все глубже замыкаться в себе.

На такой исторической, политической, психологической базе и начались контакты между ФРГ и возрождавшимся после 23 лет небытия движением российских немцев.

А движение это, осторожно начавшись на третьем году перестройки, самим фактом своего возрождения вызвало бурную поддержку у народа и растерянную осторожность властей: первое в стране национальное движение, давить вроде уже нельзя — перестройка, но и давать свободу — еще непривычно. Да и самим российским немцам с трудом удается удерживать себя в рамках допустимого. А ГДР — молчит. А ФРГ — "капиталистическая

страна", где сплошь "реваншисты" да "империалисты" да "наследники фашистов". И контакты с ними — все еще измена делу социализма и предательство Родины. Во всяком случае, на партсобрании в редакции газеты "Нойес лебен" четырем участникам встречи с канцлером, включая автора этих строк, об этом напомнили недвусмысленно. Слава Богу, ЦК в лице будущего министра по делам национальностей В.Михайлова осуждения не поддержал.

А год спустя делегацию российских немцев через общественную организацию VDA приглашают в Западную Германию. Двенадцать человек! И советские власти нам разрешают! Хотя некоторые все равно отказываются — мало ли что потом будет.

И вот наша проблема открыто звучит на Всемирном Конгрессе VDA в Бонне! Она поддерживается в германских газетах, на телевидении, в официальных органах. Нас принимает сам Президент Западной Германии! У нас встречи в министерствах и ведомствах. Мы разъезжаемся по землям и городам — для выступления в различных аудиториях по нашей проблеме. Всюду нескрываемый интерес и поддержка.

В одном из серьезных заведений нас между прочим знакомят с расчетами: если не будет восстановлена наша государственность, и если в течение десяти лет Германия вынуждена будет принять два миллиона российских немцев (т. е. всех, сколько нас насчитали по переписи), то экономическая выгода от этого составит для страны 84 миллиарда марок…

Значит, прорабатываются варианты, включая и такой?

Все, что последовало затем в течение нескольких лет, воспринимается сегодня как золотой век наших отношений. Установление тесных контактов с VDA. Приезд статс-секретаря Х.Ваффеншмидта, его встреча с заместителем Председателя Совета Министров СССР, председателем Государственной комиссии СССР по советским немцам В. Гусевым, затем поездка на Алтай — там созревает идея восстановления Немецкого национального района. Несколько приездов германской делегации во главе с г-ном Э.Й. фон Штуднитцем (позже посол Германии в России), его переговоры с председателем Госкомнаца РФ Л.Прокопьевым, и затем — подписание Протокола о сотрудничестве между Россией и Германией в *поэтапном восстановлении государственности российских немцев*! Когда можно было мечтать о таком?! И все это — результат направленных, продуманных, настойчивых инициатив германской стороны. Потому что российской стороне, как и много последующих лет, не до проявления добрых инициатив…

Каждый приезд канцлера Коля, Министра иностранных дел Геншера, других министров, делегаций Бундестага — это обязательные встречи с российскими немцами, это очередное озвучивание нашей проблемы в официальных переговорах, вплоть до Ельцина. Постоянные мероприятия и встречи в посольстве: чувствуется искренняя готовность помочь, учитывается сложность процессов, происходящих в России, и сдержанная вера в возможность решения проблемы. Начинается поддержка общественных организаций из VDA: оргтехника, всякие канцелярские принадлежности — все для нас важно. Регулярно приглашаются делегации российских немцев в Германию — для переговоров, на различные курсы.

Все в движении. И пусть не так скоро, как хотелось бы, но результаты приходят: крепче, опытнее, грамотнее становится движение российских немцев, растут его авторитет, его роль, признание. Все четче формируется его ориентация на внутренний характер проблемы, чему способствует и тактичный тезис Германии: "Вашу проблему решает Россия, мы лишь помогаем ей". Наша проблема всегда на слуху, в СМИ — и в России, и в Германии. Создаются два немецких национальных района. Строится ряд компактных поселений. В Миннаце создается Департамент по российским немцам. Указом Президента учреждается Фонд "Российские немцы". Создается Межправительственная комиссия по проблемам российских немцев. Затем — комиссия специально по культуре. Намечаются текущие программы, с обеих сторон предусматривается финансирование. Для российских немцев выпускаются книги, поддерживаются газеты, проводятся художественные выставки, концерты, создаются культурные центры, возрождается художественная самодеятельность.

Неутомимый Уполномоченный Правительства Германии по делам переселенцев Х.Ваффеншмидт постоянно в движении. Его громкий голос слышен везде: в Бонне и в Москве, в Омске и на Алтае, в Алма-Ате и Санкт-Петербурге, в Бишкеке он даже читает проповедь для верующих немцев. И первое, с чего начинается всегда его очередной визит — встреча со всеми лидерами российских немцев, обсуждение ситуации, проблем, а затем уже — встречи в Миннаце и других ведомствах.

В Бундестаге проходят парламентские слушания по нашей проблеме — нас приглашают участвовать, выступить.

Постоянно приезжают журналисты — писать о том, что делается для нас.

Руководители организаций российских немцев обязательно участвуют в заседаниях Межправкомиссии и Комиссии по

культуре, общественники — и в составе Рабочей группы Межправкомиссии, где готовятся решения.

Инициативность германской стороны, когда в России все нестабильно и никто не может принять, а тем более выполнить решения — помогает не упускать из виду главную цель, направить все усилия в нужное русло, вызывает необходимые ответные реакции российской стороны, и все это позволяет пусть со скрипом, но продвигаться вперед, причем ведь в интересах России! То есть инициативность германской стороны — фактически движущая сила всего процесса.

Все это имеет огромное значение: проблема российских немцев воспринимается в стране уже без настороженности, в регионах все больше выражают готовность участвовать в ее решении, постепенно разрушаются многолетние враждебные стереотипы и относительно Германии, с ее представителями ищут встреч и контактов руководители краев и областей, многие благодаря участию в нашей проблеме получают возможность съездить в Германию, провести там переговоры, меняется отношение к Германии вообще.

Но даже бурной инициативе Германии не дано преодолеть пассивность российских партнеров в условиях общего распада жизни страны. Слишком длинен, серьезен и неопровержим для германской стороны список невыполненных договоренностей и прямых противодействий, чтобы считать его лишь случайностью. К проблемам российских немцев, тянущимся из полувекового прошлого, добавляются все новые.

На Волге организуются "протесты населения" против восстановления АССР НП. Российским немцам вместо республики предлагается подобие культурной автономии — Ассоциация. Долго готовившийся съезд немцев СССР, на котором они должны были получить национальное самоуправление, Госкомитет и представительство в органах власти — не дал им ничего: задуманное "не соответствует Конституции". Встреча российских немцев с М.Горбачевым, его обещания — не выполнены. Министр по делам национальностей В.Тишков вместо государственности предлагает американский вариант решения национального вопроса — т. е. ничего. Закон "О реабилитации репрессированных народов" заморожен. Б. Ельцин на Волге предлагает вместо республики селиться на военном полигоне. В регионах к проблеме российских немцев относятся все больше потребительски; апогей — Волгоградская область: она предлагает Германии построить сначала мост через Волгу, чтобы "снизить" негативное отношение населения к возвращению российских немцев. В Миннаце вообще отсутствует какая-либо политика,

одно неизменно: смены министров и перманентность реорганизации министерства. Но больше всего стыда с финансированием: германская сторона неукоснительно выполняет свои обязательства, российская сторона (обязательства во много раз меньше) также неукоснительно их не выполняет или выполняет символически…

Вдобавок в стране все большая экономическая разруха, идет практически развал страны, отсутствует всяческая политическая стабильность и предсказуемость, нужные законы и решения если и принимаются, то не выполняются, криминал и коррупция процветают везде и открыто…

Мы понимаем, как трудно германской стороне делать и дальше хорошую мину при плохой игре российской стороны, тянуть и дальше одной весь воз двусторонних договоренностей. Тем более, что она даже не равноправный участник в процессе решения нашей проблемы: она "только помогает".

Мы понимаем, как трудно германским политикам и дальше обосновывать почти одностороннее финансирование, когда с российской стороны — несоблюдение соглашений, невыполнение обязательств и на практике пересмотр подписанных договоренностей.

Мы связываем все это с личностью Президента России: не он правит страной, и не в интересах государства действует его власть, и нет смысла впадать в транс из-за происходящего — это просто нужно, как стихийное бедствие, переждать с наименьшими потерями до прихода другой власти, другого Президента. Будут они затем действовать в интересах России — будет решаться и наша проблема. Пока же не надо требовать и ожидать от России нужных политических решений — не от кого, а потому бесполезно. Но и не надо сворачивать практическую работу, наоборот, ее нужно расширять: нельзя дальше ограничиваться двумя национальными районами — надо выходить во все регионы, доходить до каждого российского немца, чтобы поддержать в людях национальное самосознание, национальную культуру, родной язык и надежды. Нужно сохранить до лучших времен движение российских немцев, нужно поддержать в нем объединительные процессы, чтобы сложить силы, а не позволять им взаимоуничтожаться противостоянием.

Но наши германские партнеры действуют — по инерции? по другим соображениям? — прямо наоборот…

Прежде, чем начать что-то за пределами двух национальных районов, германская сторона ждет от российской стороны принятия политических решений. Спецрейсами привозят делегации по 50–70 человек, чтобы показать, как много делается

— в основном в двух районах. Продолжает упорно строительство новых "компактных поселений" без детальной проработки проектов, без учета возможности их подключения к коммуникациям, без обеспечения занятости будущих переселенцев. При этом повторяется лозунг: "российским немцам надо дать не рыбу, а удочку", хотя нам нужна не рыба и не удочка, а родная река по имени Волга и ее родной берег, удочку же и рыбу мы сами себе обеспечим. Наш призыв — дойти до каждого немца — отвергается: средства ограничены и не надо их распылять "лейкой по всей стране", лучше "поливать" отдельные грядки. В движении российских немцев при постоянных призывах к единству, к тому, чтобы "говорить одним языком", на практике одни организации основательно поддерживаются — как правило, это те, что содействуют выезду; другие фактически лишаются поддержки — это те, что и дальше выступают за полную реабилитацию народа и считают, что без согласия и участия властей такие вопросы не решаются. То есть, на деле вместо объединения движения поддерживается раскол, а вместо решения вопроса — выезд.

И происходит худшее: не в силах без конца игнорировать ситуацию, германская сторона, убедившись в бессмысленности продолжения бурного спурта при убранном российской стороной финише, резко сворачивает политическую активность вообще, сводит все к рутинной проектной работе; главными фигурами становятся соответственно посредники и подрядчики, а главным критерием ее — не результат, не качество и даже не нужность ее российским немцам, а умелая отчетность. И так как интересы посредников и подрядчиков состоят только в том, *сколько* они получат от проектов, а курирующих их чиновников интересует лишь длина перечня выполненных проектов, то и те, и другие находят быстро общий язык, и тем и другим уже больше никто не нужен, и те и другие начинают определять *новую политику и вместе* ограждать ее от воздействия извне.

Положение усугубляется тем, что практически то же самое параллельно происходит на российской стороне, что чиновники и подрядчики с обеих сторон также находят общий язык и, таким образом, уже *совместные* их действия становятся все более вызывающими, противоречащими заявленным целям двух государств и интересам российских немцев, а значит, в корне неприемлемыми.

…И летаргический сон, когда время действовать

Как ни горько, но приходится отметить, что свертывание государственной политики двух стран и подмена ее деятельностью подрядчиков особенно последовательно стали проводиться с приходом в Германии к власти новой коалиции. И проводятся — опять же по инерции? по другим соображениям? — до сих пор, хотя и в России уже давно сменилась власть, точнее — Президент.

Перемены в России создали во многом новую ситуацию. Главное препятствие — парализующее довление Б.Ельцина — исчезло. С образованием Федеральной НКА произошло и долгожданное объединение движения российских немцев. ФНКА стала единой представительной организацией народа; остальные — подрядные структуры как по целям, так и по деятельности. Казалось бы, настало время, когда политические инициативы Германии, так бурно проявлявшиеся в "мертвый сезон", могут, наконец, оказаться результативными. Тем более, что именно такие инициативы ФНКА находят все большую поддержку и в Правительстве РФ, и в Государственной Думе, и в Администрации Президента. То есть, сложилась ситуация, когда германские инициативы прямо-таки востребованы, когда они могут, как в прошлом, опять вызвать ответные российские инициативы, поддержать и развить их.

Не тут-то было… От Германии — абсолютное молчание. Более того, вместо проявления собственных инициатив ее чиновники и посредники вместе со своими российскими "братьями по классу" всячески стремятся подавить инициативы ФНКА. Резко, вдвое, сокращается и финансирование проблемы. Объявляется отказ от крупных стратегических проектов как слишком затратных. Вроде бы поддерживается, наконец, наш лозунг "дойти до каждого немца": вводится широкомасштабная программа "Breitenarbeit", организуются курсы немецкого языка на десятки тысяч человек, акцентируется внимание на работе с молодежью, на ее профессиональной подготовке, но …

Языковые курсы на поверку оборачиваются как правило подготовкой выезжающих к сдаче "теста". Никто не против, для многих людей курсы — спасение, но почему то, что прежде делалось в самой Германии из совсем других средств — средств, выделяемых на интеграцию переселенцев, теперь делается в России (тоже никто не против — здесь учителя дешевле, да и содержать переселенцев не надо) — за счет и без того уже урезанной "помощи". За счет этих же средств на курсах обучаются многие тысячи представителей других национальностей, даже там, где немцы практически не проживают; тоже никто не против, но опять же — это должно оплачиваться совсем по другой статье.

"Профессиональное обучение молодежи" как по специальностям, так и по национальному составу опять же мало отвечает интересам российских немцев. И еще: за счет этих же средств создается затратный проект — "Московская немецкая газета", не только не являющаяся газетой российских немцев, но выступающая прямо против их интересов как "коллективный пропагандист и коллективный организатор" нового раскола их движения, как рупор подрядных интересов в противовес интересам народа.

Вместо целенаправленной масштабной государственной политики все более автономной от нее становится политика проектов и отчетности с нескрываемой претензией на статус государственной. Причем проекты и отчетность тоже становятся инструментом — в формировании "группы поддержки", в нейтрализации и перекупке "оппонентов", в укрощении строптивых: не умеешь себя "вести" — не получишь проекта, а если получил раньше — отчетность у тебя всегда будет "не такая". Так "плюрализм", "демократия", "равенство всех организаций" и "государственная политика" превращаются просто в дымовую завесу для диктатуры подрядчиков. Подрядчиков, чьи структуры предлагается считать "общественными организациями, равными с ФНКА", — чтобы "демократически" не допустить ФНКА к участию в контроле за распределением и использованием средств, к выполнению проектов.

Без былой внутренней энергии, инициативности, без большой цели при только одном интересе — к проценту от "проекта" — все стало приземленным, рутинным, серым и подковерным. Послушность достигнута почти полная: из нескольких сот исполнителей проектов в странах СНГ "проблемы" с отчетностью возникли только у четверых: не потому, что положили что-то в собственный карман, а потому, что использовали в той или иной ситуации часть средств из одной статьи на нужды, оплачиваемые по другим. Казалось бы, ведь на более нужное, а потому более соответствующее обшей цели дело. Но… именно забота этих людей об эффективном использовании средств, т. е. их ответственный подход, их способность принять политические решения — становятся причиной бесконечных разборок. Лучше тратить менее эффективно, но правильно отчитаться…

Одновременно с этим процессом в последние годы проходил и другой, еще более важный, следствием которого и было, надо полагать, сведение государственной политики к проектной работе, причем уже не столько в пользу российских немцев, сколько по обслуживанию на самых ранних этапах "процесса интеграции поздних переселенцев". После переезда 2,5

миллионов российских немцев в Германию устами чиновников было озвучено в качестве новой доктрины простое предположение: практически все, сохранившие немецкость, выехали; оставшиеся — это уже не немцы, потому что у большинства смешанные браки (хотя еще в 1989 году их было у нас 70 процентов). Отсюда и программа: кое-кого еще добрать, резко сократив въезд; остальные пусть ассимилируются; финансовую помощь в течение нескольких лет, постепенно уменьшая, прекратить.

Политически эта "доктрина" выразилась в том, что был опущен абсолютный, глухой железный занавес для политических инициатив. Ни новый Президент Германии, ни новый федеральный канцлер, ни один министр, ни один депутат Бундестага, ни одна делегация за эти годы не преодолели этот занавес ни разу. Проблема российских немцев для германских политиков стала табу, а результаты деятельности по ее "решению" были теперь предметом интереса не Бундестага, не Правительства, а только Счетной палаты.

Уже несколько лет не состоялось ни одной встречи лидеров российских немцев с видными политиками Германии: контраст с прежними временами просто шокирующий. Даже с сегодняшним Уполномоченным по делам переселенцев руководство ФНКА — единственной представительной организации российских немцев — встречается лишь после долгих настояний, выслушивая при этом упреки в свой адрес за критические публикации (как будто можно быть довольным такой ситуацией!) да рекомендации в политических вопросах дружно работать вместе с "другими общественными организациями", т. е. подрядными структурами. (При этом почему-то сами германские партии не объединяются ни со строительными фирмами, ни с владельцами газет или организаторами увеселительных мероприятий; даже между собой они — допустим, социал-демократы и христианские демократы — ну никак не могут установить мир и согласие — христианство что ли мешает?) Даже Посольство Германии в Москве: если прежние послы порой уже на третий день после своего прибытия встречались с лидерами российских немцев, а в дальнейшем — регулярно, то нынешний посол не встретился с ними ни разу. Хотя именно он вложил в свое время в подготовку и заключение соглашения двух стран о сотрудничестве в поэтапном восстановлении государственности российских немцев больше, чем кто-либо другой, и знает нашу проблему тоже лучше многих. Даже непосредственные кураторы проблемы в Посольстве, с кем раньше встречались чуть ли не ежедневно, не имеют сегодня таких встреч. И вместо прежнего внимания к культуре, искусству

российских немцев — что было нам так дорого и важно после десятилетий их фактического запрета, сегодня — равнодушие, холодность. При этом — небывало масштабная, несомненно важная в условиях безвременья для политического и экономического сотрудничества двух стран программа в сфере культуры в России вообще — несомненная заслуга Посла и Посольства. Но созерцать весьма затратное доброе внимание к другим при улыбках мимоходом к тебе — слабое утешение…

Однако, сколько бы отрицательных эмоций мы ни выражали по этому поводу, нужно признать, что причин для такого поворота у Германии было более, чем достаточно. (Другое дело, оправдывают ли они этот поворот). И прежде всего они инициированы российской стороной — т. е. тем, кому оказывалась помощь.

Встречи, договоренности, протоколы 11 заседаний Межправкомиссии, коммюнике о сотрудничестве, указы Президента, закон "О реабилитации репрессированных народов" — и никаких реальных шагов по их выполнению. Более того, вместо государственности один Министр по национальной политике предлагает российским немцам ориентироваться на "гражданское общество", другой — развивать национальную культуру без совместного проживания, третий — извиниться перед русским народом за нападение Гитлера на Советский Союз, а сам "гарант Конституции" — переквалифицироваться всем в саперы и выкапывать с помощью Германии снаряды на военном полигоне, чтобы там под надзором и селиться. Такова "стратегическая линия".

Практическая же политика не намного лучше. Государственной национальной политики в стране как таковой нет. Решений по ней никто не принимает. Идеологии в ней, кроме идеи роспуска всех национально-территориальных образований и сплошной губернизации всей страны, никакой. Под видом моратория на изменение административных границ исключаются всякие разговоры о восстановлении нашей государственности. "Ротация" министров такова, что германская сторона с некоторыми из них не успевает даже познакомиться. А Миннац перманентно в состоянии реорганизации, перетаскивания столов и папок, то раздуваясь вдвое-втрое, то опять сморщиваясь до своей привычной несостоятельности. Вдобавок в последние годы невозможно понять, кто же определяет политику и позицию Миннаца: Министр, который четко говорит одно, или замминистра со своими подрядно-задействованными подопечными, утверждающий и делающий противоположное. Во всяком случае, пройдясь по кабинетам, представители

германской стороны убывают лишь с одной более или менее ясно пробивающейся мыслью: видимо, надо подождать, что скажет следующий министр.

Не лучше и с финансированием. Обязательства в виде обещательных предположений вроде и есть, но к каждому заседанию Комиссии выясняется, что из-за непреодолимых трудностей в стране (надо полагать, из-за утечки очередных нелегальных десятков миллиардов долларов за рубеж) средств было выделено только столько-то процентов, но к концу года может быть… и т. д. Невозмутимо-тоскливое выражение лиц германской стороны показывает: ясненько… В то же время и эти скудные столько-то процентов распределяются фактически лишь между несколькими "главными" подрядчиками, пришедшими к полному согласию на основе принципа равновесия страха, т. е. на основе способности каждого "подставить" других при недоучете его интересов. А иных к распределению средств, т. е. к "определению политики", не подпускают — это означало бы лишиться всего или "делиться".

Еще один настраивающий на раздумье момент — выезд 2,5 миллионов российских немцев, так и не дождавшихся решения своей проблемы в России. Возникает вопрос: есть ли еще смысл ждать этого так твердокаменно избегаемого решения, платя дальше сотни миллионов марок "в помощь" этому нерешению? И стоит ли еще чего-то добиваться для оставшихся, или дешевле и их, предварительно подучив немецкому, забрать, чтобы не тратиться на них дважды — и здесь, и там?

Каждой из этих причин уже вполне достаточно, чтобы германская сторона сникла. Но ведь были и есть еще внутригерманские причины.

Огромные начальные усилия, не продвинув решение проблемы, своей (стратегической) безрезультатностью вызвали необходимость приложить огромные же усилия для оправдания и продолжения курса. Громадные делегации Х.Ваффеншмидта, с включением представителей оппозиции, министерств, ведомств и всегда язвительных германских СМИ, позволили этот курс растянуть. Тем глубже и непоправимее было затем разочарование: политически вера в восстановление государственности при тогдашнем руководстве России была, надо полагать, убита тотально, и не только для оппозиции, для которой идеи других всегда мертвы еще до рождения.

Приход к власти социал-демократов с их испытанным "интернациональным" мышлением (высказывание главного из них, О.Лафонтена, о том, что ему милее один эфиоп, чем два российских немца — вряд ли только выражение личных,

галльскими генами детерминированных вкусов; впрочем, дальнейшие демарши О.Лафонтена позволяют предположить, что один эфиоп для него милее, и чем все германские социал-демократы) вызвал сразу залп отрицательных перемен. Во-первых, естественная неготовность многолетней оппозиции ни идейно, ни кадрово сходу успешно продолжить управление сложнейшим государственным механизмом — требуется время. Во-вторых, принципиальное дистанцирование от национальных вопросов, тем более за пределами страны. В-третьих, уход из активной политики деятелей, в чьих сердцах национальная трагедия другого народа еще способна была найти отзвук и сочувствие. В-четвертых, пришедшие к власти должны в первую очередь всегда объяснить народу, как плохо работали их предшественники (в данном случае, в вопросе о российских немцах), чтобы было понятно, как трудно будет исправить положение. В-пятых, новая метла всегда должна мести по-новому, а программу нового метения, кроме отказа продолжить прежнее пылеподнимание, до сих пор разработать не удалось.

Сюда добавляются проблемы с обустройством 2,5 миллионов "поздних переселенцев". Этих бедолаг никак не удается достаточно унизить непризнанием их знаний, их профессионализма, их дипломов, их трудолюбия, их нужности, наконец, их немецкости, и даже новым режимом спецпоселения с невыездом под страхом лишения социально обеспечиваемого разлагающего безделья. То есть собственная неспособность эффективно использовать мощный интеллектуальный и трудовой потенциал, свалившийся, как манна небесная, в руки стареющей страны, воспринимается как социальная и политическая катастрофа из-за сведения проблемы переселенцев к чисто локальным проблемам коммунального уровня.

И здесь каждой причины в отдельности было тоже достаточно для пересмотра прежней политики и выработки новой. К сожалению, первое было сделано, второе — до сих пор нет.

Но был и еще один момент — связанный с радикальным изменением ситуации в движении российских немцев. С созданием четыре года назад Федеральной НКА всеми общественными организациями российских немцев произошло то, чего так долго, пусть на словах, требовала от них германская сторона: движение стало единым, стало говорить "одним языком", и к тому же получило новый, более высокий статус, признанный специальным законом. Казалось бы, новая ситуация и новые возможности должны вдохновлять и на новый уровень сотрудничества. Размечтались…

Оказывается, единая организация — это недопустимая

централизация, что очень "недемократично". Оказывается, один язык — это ограничение плюрализма мнений, что тоже "недемократично". Оказывается, оставшиеся от прежних общественных организаций карликовые штатные бюро, давно занятые только выполнением проектов, т. е. зарабатыванием денег только для себя, надо по-прежнему считать полноценными общественными организациями, причем равными и равноправными с ФНКА. И у всех у них должно быть по одному голосу. Так устанавливается "равенство" между подрядными бюро платных услуг из нескольких человек и Федеральной НКА, вобравшей в себя практически весь актив движения российских немцев, имеющей 30 региональных (областных и краевых, по германским меркам — земельных) организаций и 150 местных. То есть устанавливается "равенство", которое на деле есть вопиющее неравенство. Зачем это нужно германской стороне? Да чтобы и дальше идеологам политики подряда "демократично" отстранять российских немцев как народ от вмешательства в эту неприемлемую для народа "политику". Неприятие же такой ситуации, противоречащей не только российскому, но и международному праву в отношении НКА, расценивается как "конфликтность" и стремление ФНКА к "монополии" (монополия кучки подрядчиков распределять средства народа — это нормально; стремление народа участвовать в распределении выделяемых ему средств — это "конфликтность").

Более того, к ФНКА и ее лидерам, цели и задачи которых — добиваться решения политических и национально-культурных проблем народа, предъявляются критерии как к тем же мелким подрядчикам: "вот они делают проекты, их работу видно, а что делаете вы? — ничего!" При этом полное игнорирование главной — политической — работы ФНКА и абсолютный отказ в финансировании тех самых проектов, если их предлагает ФНКА, — чтобы она и дальше "ничего не делала"? И вдобавок — небезуспешная попытка расколоть ФНКА работой напрямую с регионами, не через "центр"…

Итог же один: бесконечная проектно-отчетная жвачка в то время, когда и новая ситуация в России, и новая ситуация в немецком движении давно уже дают новые возможности для эффективных совместных действий России, Германии и российских немцев.

И с такой политикой предлагается мириться? Когда на карте стоит будущее народа?

И в третий уже раз возникает этот самый сакраментальный вопрос: кто виноват? Кто виноват — при несомненных начальных добрых намерениях — в той негибкой самонадеянной политике, с

шараханьем из одной крайности в другую, с неучетом постоянно меняющейся ситуации в России, с игнорированием мнения тех, ради кого эта политика и должна проводиться, с тратой сотен миллионов марок без ощутимого результата в главном, с опусканием государственной политики на уровень подрядчиков, не имеющих никакого интереса в действительном решении вопроса, более того — лишающихся своих гарантированных доходов при ее решении? Кто виноват?

Но в третий раз почему-то противится разум оправдывать всех и вся тем, что рвач-подрядчик — это не Германия, что чиновник, которому главным критерием его работы сделали безукоризненность бумажных отчетов — тоже не Германия; что очередные кураторы нашей проблемы, через год после прихода на terra incognita российской и российско-немецкой действительности вынужденные думать уже о следующих выборах — также не Германия. Считать так означало бы в данном случае, что и в Германии, как в России, полнейший хаос и всяк творит, что и как вздумается без какого-либо контроля со стороны государства. То есть это означало бы неуважение к одному из самых развитых государств. Потому что сегодняшняя Германия — стабильная, благополучная, с отлаженным государственным механизмом и неукоснительно выполняемыми законами — это не Россия, переживающая уже 15 лет очередной революционный обширный инсульт с параличом всех жизненных систем и предлетальным шунтированием в виде замены Президента.

Поэтому: что было простительно Германии под Гитлером и России под Сталиным и что было простительно ельцинской и еще простительно сегодняшней России, вряд ли простительно сегодняшней Германии: с дееспособного и спрос другой.

Впрочем, стоит ли вообще пытаться выяснять, кто виноват, если от имени государства в государстве ведут государственную политику не в интересах государства? Наша цель ведь не просто анализ ситуации и ее генезиса, и не поиск виновных. Наша цель — добиться решения проблемы российских немцев. Поэтому еще раз: оставим позади, не забывая, прошлое — и давнее, и недавнее. Давайте, учтя общие ошибки и достижения, которых кстати тоже немало, попробуем здесь и сейчас вместе сделать наконец то, чего 60 лет ждет невинно пострадавший народ, что уже десять лет назад решили осуществить две великие страны по отношению к 250 лет назад совместно рожденному и совместно за то неоднократно наказанному своему "ребенку" — восстановить по отношению к нему справедливость, дать ему настоящее и будущее, соответствующее величию его родителей не по уничтожающим ударам с той и другой стороны в моменты

разлада, не по раздраженным требованиям не возникать в моменты сближения, а по настоящей постоянной родительской заботе и признанию заслуг сына, не предавшего и в самые трудные времена никого из своих родителей, отдавшего столько сил и крови благополучию каждого из них и жаждущего только одного: установления мира и согласия между ними.

V. Почему мы разные

Признавая большое, даже определяющее значение германской помощи в последние десять лет, мы тем не менее наблюдаем часто и недовольство ею: ее результатами, ее содержанием, ее формой. И дело здесь, видимо, не только в том, что всегда хочется большего. И не в том, что можно было сделать все лучше. Ощущение, когда наблюдаешь за сосредоточенной деятельностью германских исполнителей, такое, будто смотришь на муравейник: все в движении, каждый имеет какую-то цель, все действуют по каким-то четко заданным правилам, но ни этих целей, ни этих правил увидеть или понять тебе не дано. Хуже того: наступает момент, когда ты вдруг ощущаешь, что германские партнеры сами смотрят на нас, как на муравейник. Но в отличие от нас, их взгляд полон неколебимой уверенности в том, что они-то знают абсолютно точно и цели, и правила созерцаемого ими муравейника. И что эти цели и правила никуда не годятся. А отсюда их удел — действовать только по-своему. А как такое вмешательство в чужое жизненное, трудовое, духовное пространство отзовется — это их совершенно не волнует.

Пытаться что-либо объяснить, помочь или возмущаться почти бесполезно. Не помогают и надежды на общие гены. И исподволь начинает брезжить в какой-то твоей извилине вопрос: да немцы ли они еще вообще? Но привычка к самокритике тут же подменяет его другим: а может быть, мы уже не немцы? И вспоминается емкое немецкое слово: auseinandergelebt, которое переводится только описательно: живя каждый своей жизнью, разъединены этой жизнью.

Как от немцев остались просто "европейцы"

За 250 лет своей истории в России мы прошли путь, определивший наш особый национальный менталитет, сформировавший наш национальный характер, выработавший строгие правила поведения и жесткую шкалу национальных ценностей. Несколько десятков тысяч человек, лишенных когда-то возможности нормально жить в разоренных бесконечными войнами землях Германии, поверили красивым сказкам российских зазывал-комиссаров и двинулись в путь в далекую незнакомую страну, где им обещали главное для них — землю. Но земля оказалась настолько скудной, климат настолько жестоким, обман и воровство комиссаров настолько бессовестным

и вдобавок набеги кочевников настолько регулярными и опустошительными, что выжить в этих условиях требовало особых качеств. Так укрепился общинный дух — потому что в одиночку справиться с такими бедами было невозможно. Так выработались стойкость и стоицизм, бесконечное упорство и трудолюбие, бесконечное терпение и опора на собственные силы и беспрекословный авторитет мужчины как отца, хозяина, добытчика и защитника, носителя всех этих качеств. А инстинкт самосохранения народа в таких неблагоприятных условиях привел к исключительной многодетности семей и бесконечному уважению к женщине — матери, хозяйке, неутомимой труженице, никогда не теряющей самообладания, всегда верной опоре мужу.

То, что немцы жили теперь среди чужих народов, чьи обычаи, язык, нравы, религия были им непонятны, делало особенно ценными для них их собственный язык, их обычаи, жизненный уклад и религию. В мононациональной стране все это естественно, как воздух, и существует как бы само собой. В инонациональной среде, будучи в меньшинстве, без поддержки со стороны, сохранить это можно только неимоверными усилиями: это нужно беречь, лелеять, оберегать, хранить и передавать потомкам как святыню, ибо утратить хоть что-то из того, что составляет суть, жизнь народа — это значит утратить сам народ.

Не отсюда ли такое болезненно-жертвенное отношение ко всему своему национальному у российских немцев до сих пор — подвиг матери, бабушки в сохранении морали, обычаев и веры в семье; подвиг учителя в сохранении родного языка; подвиг пастора в сохранении религии; и подвиг отца как носителя почти религиозного сурово-благоговейного отношения к труду. И не потому ли, когда у народа была отнята возможность совместного проживания, т. е. когда все эти главные национальные ценности лишились своего фундамента, без которого ни сохранить, ни передать их практически невозможно — это было воспринято и воспринимается до сих пор как начало гибели самого народа. Подвиг наших отцов, дедов и прадедов, сохранивших родной язык, свою национальную культуру, свой народ в таких условиях — требовал неимоверных усилий, самоотдачи, упорства и чувства ответственности за будущее своих потомков. Человеку, выросшему в мононациональном государстве, не понять, что значит для нас все национальное.

В тяжелейших условиях, когда во время войны нас обвинили в сотрудничестве с врагом, когда долгое время и после войны к нам относились как к врагу и когда до сих пор национальность "немец" резко настораживает — сохранить свой язык, свои обычаи, свою национальность, свою немецкую фамилию — это

было и мужеством, и преданностью своему народу, и формой протеста против несправедливостей, против власти, породившей эти несправедливости. Этого тоже никогда не понять до конца человеку, не прошедшему наш путь…

Живя своей жизнью, российские немцы стали совсем другими немцами. Сто лет назад один из колонистов Поволжья поехал в Германию, чтобы разыскать, откуда прибыли его предки. Но никто там ничего даже не слышал о колонистах в России. Знали про Волгу, знали о "роскошной икре", но о колонистах — ничего.

Историк Яков Дитц, приведший этот пример, отмечает особенности немцев Поволжья. "Это новый народ… самобытная, самодовлеющая нация, ничем абсолютно не похожая на немца-германца. Если колониста-немца снова отправить в Германию, то, как показывает опыт, он окажется в чужой, непонятной ему среде, он будет за границей, а не в "фатерлянде", и рано или поздно вернется на Волгу", — пишет Я.Дитц еще в дореволюционные годы. Он видит в российских немцах гораздо больше сходства с первыми американскими переселенцами, из которых тоже "выработался тип сурового пионера… живущего в постоянной борьбе с природой и дикими индейскими племенами".

Так писал историк сто лет назад. Какой *особый* путь мы прошли еще после этого, рассказывать не надо…

Германия, ее народ за эти 250 лет прошли свой, тоже полный трагизма, путь. Особенно крутой поворот в их истории, жизни и национальной психологии произошел после поражения во Второй мировой войне, ставшего началом и освобождения германского народа от фашизма и во многом утраты своей национальной идентичности. Многолетняя оккупация Германии странами-победительницами, расчленение ее на зоны, на два антагонистических государства — это еще один удар по национальному самосознанию. Для освобождения народа и страны от идеологии нацизма, для перехода к новой, демократической форме жизни был запущен процесс денацификации. Он включал в себя не только кадровую чистку, но фактически полный пересмотр всей государственно-общественной системы, идеологии, политики, национальной культуры, образования и т. д. В России было два подобных процесса: после установления Советской власти и после прихода к власти Ельцина.

Ницше писал, что подлинный философ вынашивает и изнашивает свои идеи. В этой краткой формуле заключена и формула естественного развития, в данном случае идей. Но это вполне приложимо и к другим процессам, т. к. выражает иными словами диалектический закон отрицания отрицания. К

сожалению, развитие происходит далеко не всегда естественным путем, когда "изношенные" идеи, представления, формы государственного управления, как бытовая техника, вытесняются и заменяются новыми, более эффективными, отвечающими данному этапу развития. И когда эта замена происходит насильственным путем (революция, переворот), то часто неизвестно, чего больше в этом — добра или зла.

Мы можем только догадываться (по пережитому в собственной стране и по процессу дегэдээризации после воссоединения ФРГ и ГДР), каким многомерным, всеобъемлющим, всепроникающим был процесс денацификации в Германии. И каким драматичным для многих. Тем более, что степень вины, степень "вредности" прежнего и то, что и как делать теперь, определяет ведь не сам народ, а победитель — в виде партии, класса или оккупационных властей и их приспешников из активистов первого часа, которые всегда первые и всегда больше католики, чем папа римский.

Но для нас главное в другом: в том, как отразился этот процесс на сохранении, а точнее, на подавлении, дискредитации всего национального.

Ведь нацизм возник как крайняя реакция на национальное унижение, испытанное Германией после поражения в Первой мировой войне. Всесторонне эксплуатируя это чувство, он несомненно играл для масс и роль защитника национальных интересов (*национал*-социализм, т. е. не для всех народов социальное благополучие, а именно для своего). Утверждая и превознося все национальное: историю, культуру, искусство, свой народ, язык, страну, он утверждал вместо чувства униженности всего национального чувство гордости за все национальное, чувство превосходства всего национального. Именно в практике этого процесса смог нацизм так быстро увлечь, сплотить и направить против всех на гибель свой народ.

Денацификация поэтому не могла стать просто вытравливанием нацизма; она должна была коснуться и всего, что он использовал как питательную среду за время национального затмения разума. Нацизм был признан однозначно плохим, как до этого царизм и после него советская власть в России. При этом всегда непонятно, чем же голое зло привлекает миллионы людей в разных странах? Но это типично: враг всегда чудовище, тем более поверженный враг. А следовательно, однозначно плохим было и все, что хоть как-то было с ним связано. И тем более то, что он считал положительным или использовал в своих целях. А значит, национальная история — плоха, национальная культура — плоха, национальные обычаи, традиции, ценности, все

немецкое, русское, советское — плохо и только плохо. Каким тотально плохим бывает все немецкое — старшему поколению российских немцев рассказывать не надо. Старшему поколению германских немцев, надо полагать, тоже. С нацистским прошлым надо было кончать. И как в конце войны был разрушен дотла мирный город Дрезден (за то, что в нем была национальная художественная галерея?), как уже после войны разрушили предприятия, "работавшие на войну" (а есть ли во время войны предприятия, не работающие на войну?), чтобы построить затем их снова, так теперь разрушалось главное — уважение и трепетное отношение ко всему национальному, без чего уже не может быть ни нации, ни народа.

Хорошо хоть, что не разрушили дороги, по которым ездили нацисты, не запретили национальные блюда, которые они ели, не запретили все слова немецкого языка, которыми они пользовались, а только часть их… Тоталитарные идеологии — большевизм, нацизм или маоизм, обладают одной общей чертой: их действия в конце концов вызывают, в нарушение третьего закона Ньютона, не равное, а превосходящее противодействие, причем часто превосходящее и по своей интеллектуальной ограниченности.

"Здесь был Вася" — нередко красуется надпись на стенах здания, памятника или в вагонах поезда, и сразу видно, кто здесь был. Надпись стараются стереть или закрасить. На всей послевоенной Германии стояла надпись: "Здесь был фашизм". Но вместо того, чтобы стереть эту надпись, старались стереть все, на чем, чем и кем она была или могла вообще быть написана, даже в будущем. Но фашизм использовал и возвеличил до мании все самое ценное, что есть у народа, что составляет его суть; он объединил под собой все: "Один народ — одно государство — один фюрер!"; он привил народу не только чувство национального превосходства, но и чувство национального эгоизма, чувство национальной безответственности и безнаказанности: блиц-победы способствовали этому как нельзя лучше. В общем, все немецкое — лучше всего, превыше всего, сильнее всего.

Покончить с фашизмом сейчас и навсегда означало при такой установке покончить практически со всем национальным, т. е. немецким, унизив его до степени вины. Потому что как в России после войны все немецкое означало фашистское и враждебное, так и в Германии для оккупационных властей национальное практически означало нацистское

И если учесть, что при всякой новой власти, тем более оккупационной, в нее выдвигаются не выразители интересов

народа, а как правило те, кто готов сотрудничать с кем угодно и когда угодно, те, у кого атрофировано вообще чувство национального и кто готов это национальное всячески дискредитировать, подавлять и уничтожать и может это делать с особым умением, т. к. знает, о чем идет речь, — то представить себе тогдашний процесс "денацификации" нетрудно. Фактически он стал процессом "денациолизации" — и в смысле разрушения нации, и в смысле разрушения всего национального, в смысле дискредитации всего немецкого. То, что даже сегодня немцы Германии стараются называть себя не немцами, а "европейцами" — следствие, по которому ясно предстают и причины, и процессы. Мало кто осмелится сегодня сказать в Германии: "Я горжусь тем, что я немец!" — это воспринимается как вопиющая недоработка того процесса "денацификации".

Сегодняшняя Германия иногда напоминает безалкогольное пиво: и название, и цвет, и вкус, и температура те же, только национальная душа отсутствует.

Немецкого народа в обычном понимании этого слова фактически больше не видно. Есть население страны, еще говорящее по-немецки и все больше убежденное в том, что язык — это главный и достаточный признак национальности. (Отсюда отношение к российским немцам: не знают сегодняшний язык сегодняшнего немецкого населения Германии — значит не немцы). Есть даже новые разновидности немцев: немцы турецкого происхождения, немцы албанского, еврейского, вьетнамского происхождения. (Нет только немцев немецкого происхождения из России — они прочно "русские"). Не граждане Германии турецкой, албанской, еврейской и т. д. национальности, а немцы такого-то происхождения. Интересно, встречались ли такие этнические разновидности "наоборот" — турки немецкого происхождения, евреи или албанцы немецкого происхождения?..

Демонстративно скептическое, даже высокомерно-негативное отношение ко всему своему национальному, немецкому считается, видимо, признаком преодоленности связей с нацистским прошлым страны. Цитированное выше высказывание лидера социал-демократов Оскара Лафонтена о том, что ему милее один эфиоп, чем два российских немца — из того же ряда.

Национальный вопрос для немцев Германии практически не существует, как для граждан любой мононациональной страны. Тем более им непонятен чужой национальный вопрос. Они признают еще проблему гастарбайтеров, но это для них не столько национальная проблема, сколько проблема терпимости к прислуге. Хотя для стареющей Германии она — предвестник проблемы нации, проблемы будущего государства: если хозяин не

в состоянии сам содержать в порядке свой дом, то владеть им в конце концов будут слуги.

Германию отучили говорить о том, что свое, национальное, немецкое лучше; хотя более высокие цены на товары германского производства еще напоминают о наличии внутреннего самоуважения, все больше ее граждан предпочитают ненемецкие рестораны, супругов, имена.

Германию отучили от уверенности в праве действовать, исходя из своих национальных интересов; ее приучили к обязательности того, что ей "порекомендуют" — даже если это будет участие в коллективной бомбардировке беззащитного суверенного государства или прием беженцев к лучшей жизни со всех концов света.

Германию отучили обвинять других, ее приучили безропотно выносить обвинения во всех грехах прошлого и настоящего — ото всех, кому это заблагорассудится. И ее приучили платить — за все, в чем ее адвокаты оказались менее изощренными, чем чужие.

Германию отучили от ощущения единства народа, нации; она теперь уже и многопартийна, и многонациональна, в ней есть западные немцы и восточные, в ней есть немцы и "поздние переселенцы", в ней есть беженцы и иностранцы, и все это делится вдобавок по параграфам, социальным пособиям и правам.

Комплекс бесконечной немецкой вины стал для граждан Германии нормой. И как российские немцы бессильны были сбросить с себя этот комплекс в СССР, так бессильными оказались в этом и германские немцы. Как российские немцы вынуждены были приучить себя к бесконечному терпению, покорности и молчаливым страданиям, так и германские немцы. Тем более что после войны в нее влился 12-миллионный поток немцев, изгнанных из всех стран Европы, где они проживали столетиями, изгнанных со своей родины, с надругательствами, с конфискацией всего имущества, под страхом смерти. (Еще один пример того, как авантюра Гитлера сказалась на немцах вообще).

Это море боли, привнесенное в и без того переполненные берега германской национальной трагедии; эта парализующая покорность и удушение даже памяти о своем прошлом как защитная реакция национального организма; это подавление в себе всего национального ради дистанцирования от недавнего нацизма; это затмение национальных интересов, интересов народа, страны наркотиком личного благополучия, неутолимого потребления — товаров, услуг, удовольствий; этот приоритет прав личности перед правами общества, народа, государства — могло ли все это привести к чему-либо иному, чем разрушение

национального самосознания, национальной идентичности, самого народа как общности? Чем превращение народа в население, атомизация этого населения вплоть до того, что даже молекулы в нем в виде семьи признаются уже все больше ненужными? А отсюда — катастрофично низкая рождаемость (подготовлена программа по ежегодному импорту молодежи из других стран), старение населения и — путь превращения страны просто в часть территории Европы с населением, какое успеет быстрее на ней устроиться и размножиться…

Поэтому, когда российские немцы не встречают эмоционального отклика в своих германских партнерах в жизненно важных для себя вопросах сохранения своего народа, возрождения своей национальной культуры, сохранения своей национальной идентичности — о чем наш лепет? В этих партнерах вся такая же их собственная боль либо давно загнана в кровоточащие глубины души, либо давно выжжена серной кислотой денацификации, либо просто не могла возникнуть, потому что гены этой боли уничтожены в предыдущих поколениях, и потомство уже безнационально.

Германские чиновники при рассмотрении антрагов (заявлений на въезд) российских немцев обвиняют их в том, что они, вырванные из родных мест проживания, распыленные по необозримым территориям среди иноязычных народов, лишенные национальных школ, при фактическом запрете немецкого языка, при 60-летней дискриминации по национальному признаку, в советских условиях — "не сохранили свою национальную идентичность". Но немцы Германии, оставаясь на своей земле, будучи мононациональным народом, имея свое государство, свою экономику, не подвергаясь дискриминации по национальному признаку — утратили свою "национальную идентичность" в такой степени, что уже не понимают, зачем народу жить вместе, зачем ему национальная культура, зачем ему государственность, и почему еще находятся российские немцы, которые считают своей родиной Россию, когда есть гораздо более благополучная Германия?

Кто же потерял больше свою "национальную идентичность"? И кто больше "виноват" в своей потере? Российские немцы, вопреки геноциду сохранившие свои основные ценностные национальные ориентиры? Или немцы Германии, которые под поощрительное похлопывание по плечу превратили свою страну в подобие установки по переработке кофе, где из живых зерен народа выпаривается, вымывается все национальное, чтобы получился, как кофе без кофеина, лишь быстрорастворимый в любой жидкости порошок без национальной души под названием

"европейцы"?

"... лучшего человечество не придумало"

Второй момент, постоянно вызывающий вопросы в отношениях с германскими партнерами — это их жесткое по форме, но расплывчатое по содержанию требование демократии. Причем требование предъявляется нам с непоколебимой уверенностью в том, что демократия — это абсолютное совершенство и что наши партнеры — безусловные носители этой совершенной демократии.

На начальных этапах наших отношений слово "демократия", после российско-советских культов личности, тоталитаризмов, волюнтаризмов, застоев и прочих перестроек, никак не выводивших нашу страну на западный уровень потребительского благоденствия, действительно воспринималось как синоним и этого благоденствия, и свободы — говорить, писать, творить и критиковать что и как вздумается. Со временем, посмотрев на других и хлебнув демократии, благоденствия и свободы в родной стране, начинаешь призадумываться: а так ли уж достоин слепоглухонемого восхищения предлагаемый нам идеал?

Как вспоминается из школьных учебников, демократия — это в переводе с какого-то там древнего языка народовластие. То есть власть в руках самого народа, сам народ правит собой, как ему хочется и как ему нужно. Но из тех же учебников вспоминается, что демократии бывают, оказывается, разными.

Например, рабовладельческая демократия, когда работающие рабы бесправны, а народом являются лишь свободные граждане, они и правят. Или буржуазная демократия, когда есть класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых. (Сегодня это звучит поблагороднее — работодатели и работобратели, и оба класса полны сознания своего значения и достоинства: первые исполнены заботы о благе вторых, просто так дают им работу да еще и деньги платят; а вторые, не в силах преодолеть свою воспитанность, соглашаются так и быть взять то, что им просто так дают, пусть и с деньгами впридачу — не обижать же добрых людей!) При этой демократии, как писали в учебниках тогда (нам неизвестно, насколько это верно сегодня) у власти почему-то всегда оказывался народ не в лице большинства воспитанных работобратели, а в лице меньшинства давателей, которым, по Библии, труднее попасть в рай, чем верблюду пролезть в игольное ушко. Тем не менее, это тоже демократия.

Или была еще народная демократия, т. е. народное

народовластие, и даже целые страны такой народной демократии. Не совсем понятно: видимо, весь народ определял, чтобы весь народ был у власти и он весь был у власти.

Но высшей формой демократии была, конечно, социалистическая демократия, т. е. когда у власти был только тот народ, который убежденно шел к социализму. А т. к. этого социализма хотели только те, кто ничего не имел, чтобы что-то, наконец, поиметь, то эта высшая форма демократии была демократией пролетариата, т. е. неимущих. Именно потому, что пролетариат, то есть те, кто ничего не имеет, — наиболее ясно понимает, чего он хочет, он в такой демократии является гегемоном. А т. к. еще больше, чем обычный пролетариат, знает и понимает, чего он хочет, его пролетарская партия, обычно кое-что имеющая, то она от имени всего пролетариата и осуществляет эту высшую демократию под названием диктатуры. Диктатуры пролетариата в первую очередь над работодателями, чтобы превратить и их в благородных работобрателей, а после завершения этого короткого процесса — диктатуры пролетариата над самим пролетариатом, чтобы не думал, что он умнее своей партии и может править собой без нее.

Этот экскурс в сферу демократии нам нужен был только для того, чтобы яснее понять, что в одном народе может быть, оказывается, несколько "народов"; и любой из них во власти — это демократия; а значит демократия может быть очень разной, т. е. совсем не обязательно общенародной. Поэтому не лишне будет, видимо, воспринимать ее с некоторой осторожностью, хотя бы чтобы предварительно выяснить, чья же это демократия. Не зря же Черчилль говорил, что демократия — очень неудобная вещь, фаталистически добавляя, впрочем, что ничего лучшего, однако, человечество пока не придумало.

Подлинная, т. е. общенародная, демократия возможна, пожалуй, только в небольшом и социально достаточно однородном сообществе, где практически все друг друга знают и где у всех достаточно равные возможности. Только в этих условиях способности человека будут определять и его признание. Через главный инструмент демократии — компетентное голосование, когда у каждого один голос, все голоса равны, каждый хорошо знает, о чем идет речь, и каждый свободен решать, кому отдать свой голос. То есть инструмент демократии эффективно работает на создание подлинной демократии только когда каждый способен принять *компетентное* решение, за кого или за что отдать свой голос. И когда каждый хорошо знает всех претендентов на его голос и может сам четко определить, кто из них лучше всего справится с

решением проблем всего народа. В этом случае голос каждого, как золотая монета, имеет всегда высокую ценность, твердый курс и является частью золотого запаса народа.

Совсем иная ситуация сегодня, при некомпетентном избирателе и при частичной демократии, когда голос как товар продается и покупается не в интересах народа, а в личных или групповых интересах. При этом нужно учесть еще одну существенную тонкость: при любом голосовании, даже самом наидемократическом, истина большинством голосов не устанавливается. Например, в вопросе, когда будет солнечное затмение, где лучше вырыть колодец или за какую сумму Моника Левински согласится продать свое хранимое от химчистки платье — один голос знающего человека может быть ближе к истине, чем миллионы других. (Почему умный монарх или диктатор может иногда сделать для народа, для страны больше, чем иной многопартийный парламент.) Тем не менее, по законам демократии это будет определено большинством избирательных бюллетеней.

Но это бы Бог с ним, мир от исхода голосования по таким вопросам не рухнет. Хуже, когда еще меньшим специалистам в гораздо более сложных — государственных вопросах, предлагается тем же своим некомпетентным демократическим голосом определить внешнюю политику супердержавы на ближайшие четыре года.

То есть инструмент демократии — равное голосование — может принести пользу только в сочетании с компетентностью владельца голоса. В противном случае инструмент демократии может оказаться слепым разрушительным орудием. А если этим орудием будут еще и манипулировать ловкие кандидаты, что сегодня и происходит, то "лучшее, что придумало человечество", может запросто и погубить это туповатое человечество.

Можно сказать, что современная демократия разорвала необходимую связь между основой демократии — компетентностью демоса-народа, то есть избирателя, и формой реализации этой компетентности — голосованием. От подлинной демократии сегодня осталась только прежняя ее форма голосования; за эту форму, манипулирование ею и идет борьба. Не за то, чтобы в стране правил народ, не за то, чтобы власть правила в интересах народа, а за то, чтобы любым путем получить голоса и дорваться до власти. До власти, которая сегодня так выгодно конвертируется в большие деньги через лоббирование интересов огромных денег.

Отсюда сегодняшняя демократия заинтересована не в повышении компетентности избирателей и народа (т. е. не в их

образовании, воспитании, развитии), а в создании эффективных механизмов манипулирования их сознанием с целью на выборах шулерски присваивать себе их главный капитал — избирательный голос, как ключ к золотому, сырьевому и прочим запасам страны…

Сохранение демократической формы голосования при устранении компетентности избирателя (не знает государственной политики, не знает программ партий и кандидатов, не знает самих кандидатов и их подлинных целей) превращает и саму демократию в фарс. Одного этого уже достаточно, чтобы отказаться от нечестной игры в выборы в сегодняшней их форме. Однако и кроме этого еще много вещей делает сегодняшнюю демократию пародией на подлинную демократию. Перечислим хотя бы некоторые из них.

Для "демократических" выборов сегодня бывает достаточно участия 25 процентов избирателей. Это означает, что политика в регионе, а то и в стране, определяется "большинством" в 12,5 процентов плюс один голос, т. е. 1/8 частью избирателей, при этом может быть самых некомпетентных из тех, кто ходит на выборы.

Демократия как бы предполагает равенство возможностей всех граждан в праве избирать и быть избранным. Но попробуйте поучаствовать в выборах в качестве кандидата! Во сколько это вам обойдется! "Поддержку народа" сегодня определяют деньги. Примеры? Хотя бы три, почти свеженьких.

Ельцин на выборах 1996 года, когда его начальный рейтинг в 1,5 процента подняли до "победителя" — во сколько миллиардов долларов обошлось нам это счастье? Березовский — победитель выборов в последнюю Государственную Думу от Карачаево-Черкесии: лучший национальный лидер двух горских народов? Абрамович, за которого, судя по результатам выборов, даже моржи Чукотки поднимали ласты, чтобы увидеть его губернатором — тоже лучший знаток жизни оленеводов и рыбаков, плоть от плоти обитателей чумов и яранг? Были бы эти "национальные лидеры" избраны, если бы не имели миллионно-миллиардных (не рублевых) счетов?..

Это о равенстве возможностей.

Теперь о воле народа, выражаемой при демократии, то есть при народовластии. Когда выражают свою волю свободные компетентные и равные граждане, то это — воля народа. Но когда этих свободных компетентных и равных граждан нет, когда кандидаты идут во власть не служить народу, а наживаться за счет народа, и когда у честных кандидатов нет средств для победы на выборах, то выборы становятся просто ареной борьбы

нечестных кандидатов, то есть их денег. Ради приумножения этих денег за время пребывания во власти.

Но в одиночку и нечестному кандидату не победить. Поэтому собираются стаи, где объединяются силы, средства и интересы. И эти стаи под названием "партии" начинают откалывать от народа каждая свою часть, чтобы настроить ее в свою пользу и против других кандидатов, у которых свои стаи-партии. Так единый народ раскалывается на антагонистические группы, которые ни с того, ни с сего начинают относиться друг к другу враждебно. Поэтому, кто бы ни победил на таких выборах, будет уже не демократия, не народовластие, а партократия, то есть власть победившей партии, победившей стаи. Итог: народ расколот на враждебные куски; страной, народом правит одна стая, которая должна успеть компенсировать понесенные на выборах затраты и набрать задел на будущие выборы; а вокруг этой стаи сидят, пощелкивая зубами, другие стаи под названием "оппозиция", которые злобно наблюдают за тем, что творит "правящая коалиция" и, используя демократическую "свободу слова", раздувают органическое пятнышко на платье нестойкой практикантки до всемирного позора своего Президента, чтобы отодвинуть от власти-кормушки правящую стаю.

И это — народовластие?

Вообще там, где партии, там не может быть власти народа. Потому что там уже нет единого народа. И партии — выразители интересов не народа, а своих интересов, в лучшем случае — интересов какой-то части народа в ущерб интересам других частей народа и они всегда — группировки в борьбе за власть. Партии на выборах — это не соревнование программ действий, а борьба кошельков. Партии — это насильственное разделение общества, его раскол, насаждение непримиримой борьбы в нем. И так как борьба партий за власть — это борьба за деньги, то раскол общества все более радикализуется, тем более, что каждая партия должна ведь "отличаться" от других, а отличаться они могут только доведением своих различий в позициях, целях, программах до крайности. Отсюда — раздувание до скандалов любой оплошности "противников", любого недостатка "оппонентов". При демократии никто не защищен от грязи, вмешательства в личную жизнь, от оскорблений.

К тому же выбираются кандидаты и партии сроком всего на 4 года. Отсюда программы у них должны быть краткосрочные, чтобы избиратели успели что-то "получить" от их правления и поддержать на следующих выборах. Отсюда отсутствие стратегических задач, боязнь принять "непопулярные меры", т. е. политика "маленьких шагов", приземленных целей, их

местечково-коммунальный масштаб. Так вместо избирателя-гражданина воспитывается избиратель-потребитель, думающий не о будущем своего народа, своей страны, а о личных интересах, удовлетворяющийся мелкими социальными подачками. А это уже ведет к раздроблению народа, к исчезновению нации, к постепенному разрушению государства как системы обеспечения национальных интересов.

Цель кандидатов и партий на выборах — голоса избирателей. Отсюда необходимость воздействовать на избирателей (пиар), чтобы любыми средствами заставить их отдать свои голоса за тебя. Но манипулирование сознанием нужно только, когда требуется обмануть. Если же твои цели честны, чисты и действительно являются целями народа, то обман не нужен, достаточно правды. Но если даже правды недостаточно, чтобы получить поддержку народа, то до чего же доведен народ? В этой ситуации то, что народ выбирает, еще совсем не означает, что народ будет и править. Или что будут править в его интересах. И то, что народ выбирает из нескольких кандидатов, не означает, что будет выбран лучший… Невеселое, однако, зрелище.

Но самое, пожалуй, гнусное, что являет нам сегодняшняя "демократия" — это рабское, грязное предательство своих национальных лидеров.

Это нам продемонстрировали с Клинтоном, одним из успешнейших президентов США, раздув эпизод сугубо личной жизни человека до общенационального, всемирного скандала, где нет заботы о чести страны, нации, где нет пощады Президенту и человеку, где нет уважения хотя бы к семье Президента, к его детям. Вывалять в перьях вожака чужой стаи-партии, и чтобы видел весь мир — какая тут честь нации, когда речь идет о власти!..

Это нам продемонстрировали с Президентом СССР Горбачевым, попытавшимся дать своей стране и всему соцлагерю раскрепощающие живительные свободы вместо тоталитарных режимов, но в своем неприятии насилия не пожелавшим проявить твердость даже тогда, когда еще можно было малой кровью остановить большую кровь, развал и ограбление великой страны, обнищание народа.

Это нам продемонстрировали с канцлером Германии Гельмутом Колем — символом нации, символом воссоединения страны, символом объединяющейся Европы, который мог бы, будучи "как все", положить себе в карман неконтролируемые спонсорские миллионы, но не взял себе ни пфеннига, а использовал их на довершение больших национальных задач. Нет пощады тем, кто ставит интересы своей страны выше возможных

грязных обвинений!

Это нам продемонстрировали с Президентом Югославии Милошевичем, которого вместо суда народом, если виноват, трусливо продали за одно обещание денег на суд тех "столпов демократии", кто, требуя предательства, из безопасного далека трусливо же бомбил и разрушал страну в нарушение всех международных норм. Неуважение, нетерпимость к образу жизни других народов и стран, насаждение силой, бомбами, кровью своего понимания, как жить другим народам, — это становится уже нормой современной "демократии"…

Разумеется, у демократии, даже "развитой", даже у российского ее варианта, есть и плюсы. Каждый волен сам определить, компенсируют ли эти плюсы для него лично все ее минусы. Для нас важно другое. Ведь каждый человек является клеточкой единого национального организма своего народа. И его жизнь, здоровье, благополучие зависят от состояния всего организма. Система общественного устройства, власти и призваны обеспечить здоровье и благополучие всего национального организма. Справляются они с этой задачей — значит, хорошо всем, не справляются — плохо всем, даже имеющим на что пировать во время чумы.

Плюсы у демократии, конечно, есть. Однако товарные достоинства продажной женщины не превращают ее в целомудренную. Наоборот, чем привлекательнее ее формы, тем больше спрос на нее, тем значит более продажна она. Сегодняшняя демократия как власть именно такова: у нее достаточно средств, чтобы придать себе нужный внешний вид, но суть ее в том, что она всегда принадлежит тем, кто может за нее заплатить, причем заплатить больше других. В нее даже выбирают уже тех, у кого шире улыбка, у кого больше зубов во рту, волос на голове и кто профессиональнее других возбуждает надежды.

Она установила жесткое правило: борьбу за нее вести не оружием, как раньше, а только словами (парламент) и деньгами (выборы): от крови для нее никакого профита, трупы не платят. Но за трупы платят. Поэтому убийства Джона и Роберта Кеннеди, Индиры и Раджива Ганди — только видимая часть черного айсберга…

Путь возвращения сегодняшней демократии к подлинной, общенародной, видимо, один: выравнивание социального положения, жизненного уровня и возможностей всех граждан страны хотя бы до снятия их антагонистичности. И превращение власти из источника личных и групповых благ в инструмент обеспечения блага всего народа. Для честного человека этой

благородной задачи было бы достаточно, чтобы идти во власть, нечестных такая власть просто отпугивала бы.

Миссионеры не могут иначе?

Может возникнуть вопрос: а какое отношение все это имеет к проблеме российских немцев? К сожалению, имеет, и даже очень прямое. Не только потому, что наша проблема жестко вписана в проблематику России и Германии. Но и потому, что отношение двух стран к нашей проблеме, к российским немцам вообще, к их движению во многом обусловлено именно описанной ситуацией. Это хорошо видно на примере нашей Федеральной НКА.

Создание ФНКА было, как мы помним, исключительно трудным. С одной стороны, национальное движение без государственной поддержки, без собственной экономической базы, без реальных достижений в многолетней борьбе за политическую реабилитацию народа, при постоянной внутренней обессиливающей конфронтации, разогреваемой вдобавок извне — практически выдохлось. Организации как юридические лица существовали еще, но свою деятельность вынуждены были ограничить выполнением проектов, чтобы хоть как-то существовать, и весь их "актив" свелся постепенно к исполнителям этих проектов, т. е. к штату из нескольких человек. Но эти исполнители были уже как правило не общественниками, а наемными работниками, часто не имеющими даже отношения к российским немцам. Особенно у Международного союза немецкой культуры, с самого начала дальновидно определившего свою "национальную" миссию: зарабатывание денег, выделяемых на решение национальной проблемы.

В этой ситуации создание ФНКА выглядело спасением: разрозненные силы объединяются, конфронтация преодолевается, и все вместе приобретают к тому же более высокий статус — федеральной организации, пользующейся поддержкой государства.

Проблема лидера тоже была решена прагматически: если все действующие лидеры за много лет конфронтации уже видеть друг друга не могли, то надо было пригласить лидера "со стороны". Жребий пал на человека, давно известного в движении российских немцев, с одной стороны, как имеющий опыт административной работы и депутатский опыт в Госдуме и вдобавок являющийся замминистра по делам национальностей; с другой стороны — как весьма ненадежный соратник, сменивший не раз свою политическую ориентацию в зависимости от

конъюнктуры и в национальном движении, и в гораздо более профитной и масштабной, но еще более неустойчивой общероссийской политической тусовке.

Конечно, риск был велик. Потому что в серьезной борьбе, которая предстояла за создание автономии, за ее укрепление, за решение с ее помощью всей проблемы российских немцев стопроцентно надежным должен был быть каждый. Тем более — лидер. Но выхода не было.

Противники же автономии делали все, чтобы она не была создана, даже войдя в Оргкомитет. А когда съезд по ее учреждению был уже неотвратим, они вдруг тоже стали "сторонниками" автономии — чтобы не только успеть вскочить в уходящий поезд, но и попытаться завладеть кабиной машиниста. И выдвинули свою кандидатуру на "машиниста" — председателя того самого дальновидного "Союза культуры", человека по репутации очень схожего с первой кандидатурой, только вместо политического, административного и министерского опыта имевшего лишь опыт той самой мелкой подрядной работы, которая исключает какие-либо национальные интересы.

Так на съезде вступили в жесткую схватку рискованные надежды одних со страхом лишиться налаженного подряда других; народ же в лице будущей ФНКА оказался в такой решающий момент фактически перед кофейной гущей. Все по законам "демократии"!..

Тактику и стратегию победы прорабатывали кандидаты основательно. Один — во всеоружии большого опыта демократического российского беспредела — не столько программой, сколько точным расчетом сил, потенциальных голосов и даже того, как рассадить делегации в зале. Что же касается другого, то, может быть, когда-нибудь кто-нибудь опишет если не пером Салтыкова-Щедрина, то хотя бы пером какого-нибудь угнетающе-саркастического Шендеровича, как "пиарили" в пользу председателя Союза "культуры", как в два часа ночи в гостинице будили делегатов съезда и вручали им пакеты с бесплатными изданиями МСНК "лично от председателя", какие карикатурные амбиции и самомнение обнаружились вдруг у человека, так скромненько всегда пытавшегося убедить всех в том, что он "вне политики" и что его дело — "пахать в поле и делать конкретные дела". Пусть это опишут более способные. Для нас здесь важны только две вещи: что готовность многих делегатов еще раз поверить в исправимость людей и поддержка (искренняя? или коварно просчитанная на годы вперед?) Министра В.Михайлова оказались сильнее пакетов ночного пользования, и что даже нескрываемая поддержка германской

стороны (будем считать, только моральная) не помогла безнациональному пахарю стать за одну ночь национальным политиком. (Впрочем, может быть просто время вручения пакетов было выбрано не то).

И тут-то мы вскоре и услышали от германской стороны пожелания "большей демократии". Но, видимо, это были требования какой-то особой демократии, в учебниках еще не описанной. Потому что недостаточно демократичными были признаны и результаты голосования — где-то 90: 70 (видимо, демократичным было бы только наоборот); недостаточно демократичным было и предложение победившей стороны проигравшей стороне занять большинство руководящих постов в ФНКА (видимо, надо было все посты ей отдать); недостаточно демократичным было и предложение всем работать вместе, по единому плану, единой командой, на общую цель.

Недостаточно демократичными оказались результаты выборов и на II Съезде ФНКА, где была еще более острая борьба. (Германская сторона блистала на этом Съезде полным отсутствием, чтобы ясно показать делегатам, как она будет относиться к тем, кто опять изберет не тех.)

Недемократичным было признано даже то, что ФНКА не допустила в своем руководстве террора большинства меньшинством, теми, кто, не получив в ней полной власти, стал не только игнорировать выполнение своих обязанностей в ней, но и открыто выступать против нее, все больше раскалывая ее и дискредитируя в стране и за рубежом.

Наверное и сегодня, когда те же противники ФНКА покупают региональных лидеров, чтобы собрать "внеочередной съезд" и "поправить" и I, и II съезды ФНКА, — это и есть настоящая демократия…

Даже то, что Россия, приняв отвлекающий от территориального вопроса Закон об НКА, вдобавок еще и никак не поддержала НКА, обрекая их тем самым на длительную незадействованность, германские партнеры сделали тоже виной ФНКА.

Можно, конечно, допускать, что если бы германская сторона тогда смогла абстрагироваться в своих симпатиях и антипатиях от конкретных личностей в создавшемся противостоянии и хотя бы следовать своему прежнему принципу — "относиться ко всем организациям российских немцев одинаково", то ФНКА не была бы загнана так безнадежно в угол, откуда ей оставалось только нападать на германскую политику. Можно думать, что тогда удалось бы удержать и процесс становления ФНКА в более демократических рамках, лишая аргументов сторонников

установления "жесткой вертикали". Можно предполагать, что тогда и рискованные надежды на возможность совершенствования личности могли все же оправдаться.

Но гадания — не наша цель. Ясно предстают из всего этого две вещи.

Первая: германские подходы к движению российских немцев на этом этапе оказались и недопустимо противоречивыми, и однозначно ошибочными, ибо институт ФНКА — несомненно перспективный институт в национальной политике России, и игнорировать его только из-за личности лидера — это несерьезная политика.

И вторая. Как показали последующие события, и что нам можно уже здесь сегодня обозначить — даже самые горячие надежды на человека с несомненными способностями не могут оправдаться, если его личные интересы и моральные принципы не совпадают с интересами дела, на которое он поставлен. Наоборот: чем больше способностей у такого человека, тем больше и неизбежнее будет от него ущерб этому делу.

Что же касается масштабных наших различий с сегодняшним германским народом, то, пройдя разный исторический путь, мы переживаем сегодня разные процессы: мы после депортации и распыления 60 лет пытаемся собраться вместе (центростремительный процесс), они год за годом выбрасывают в другие страны 60–80 тысяч своих активных умов и рук (центробежный процесс).

У нас разные цели: для нас главное — возрождение и развитие нашего народа; для них — "европеизация", то есть растворение в ходе бурной экономической экспансии.

Мы как личности, как народ сформировались в разных общественных системах: мы считаем интересы народа, общества, страны выше своих личных интересов (и готовы ими жертвовать ради общих интересов); наши партнеры во главу угла ставят интересы и права личности.

Мы говорим на разных языках: мы на языке боли и надежд, они на языке своих правил и трезвого расчета.

Мы все еще наивно полагаем, что деньги не должны править в политике; они же привыкли деньгами делать политику ("кто платит, тот заказывает и музыку"; мы не против, если заказывают для себя, но если для нас — у нас ведь может и не быть эйфории от не той музыки и не тех исполнителей).

Мы в нашей проблеме хотим быть и являемся субъектами политики, они же нас воспринимают только как объект их проектной помощи. Поэтому мы не только говорим на разных языках, мы вдобавок часто говорим и действуем и в разных

сферах. Отсюда в нашем "сотрудничестве" у нас, особенно в последнее время, и разные проблемы: для нас главное — продвигаться к политическому решению нашего вопроса, для них — обеспечить даже в российском беспорядке безупречность своей финансовой отчетности.

Отсюда многие недоразумения могут быть сняты, если о политических вопросах говорить с политиками, а о практических — с исполнителями. Пример с ФНКА — самая наглядная иллюстрация: ФНКА ждет от практиков политических подходов, а практики от фактически политической структуры требуют проектных результатов.

У нас и отношение к демократии разное: мы еще верим в то, что в демократии как в чужой религии может быть немало хорошего, но не исключаем, что может быть и что-то еще лучше нее; они уже знают, что это такое, и тем не менее обреченно убеждены, что она — конечный вывод мудрости земной. Поэтому мы для них как туземцы, а они в собственных глазах миссионеры этой когда-то и для них чужой религии.

Наши различия уже не раз приводили, и приведут еще, к разногласиям. Если мы не научимся признавать, что другой — это еще не значит плохой, не значит хуже: и мы, и они сформированы нашей жизнью так, чтобы максимально соответствовать требованиям именно своей жизни.

А значит, если от нас хотят, чтобы мы уважали *их* в основном исполнительские цели и задачи, продиктованные *их* жизнью, то нужно, чтобы уважали *наши* большие политические цели и задачи, продиктованные *нашей* жизнью.

В общем, мы — очень разные, и должны об этом всегда помнить. И понимать наших партнеров. И уметь им прощать. Тогда нам будет легче: нет иллюзий — нет и разочарований.

При этом, правда, хотелось бы иметь хоть маленькую надежду, что и "миссионеры" нас тоже когда-нибудь захотят понять. Несмотря на то, что им это труднее: ведь миссионеры всегда неколебимо убеждены в том, что свет, который они несут в дремучесть сознания аборигенов, — это свет свыше. На том они, как твердокаменный Лютер, стоят. И как Лютер, не могут иначе.

VI. Выезд

В человеческой популяции мужчины, как известно, всегда играли роль авангарда в борьбе за выживание; в отличие от консервативного, стабилизирующего женского ядра, они первыми идут на освоение нового пространства и часто ценой собственной жизни добывают информацию о его пригодности для поддержания семьи, рода, племени, народа. В этом смысле российских немцев можно с полным основанием назвать мужским народом. Вынужденные покинуть разоренные германские земли, чтобы избежать гибели, они и народом-то стали в поисках новых пространств для выживания, каждодневно потом и кровью защищая себя от сурового климата, от голода и неурожаев, от опустошительных набегов кочевников. Они вновь и вновь обрекались на расставание с освоенной землей, со всем, что нажили своим трудом, — обрекались отменой обещанных льгот, антинемецкой политикой государства, гражданской войной и коллективизацией в XX веке. "Volk auf dem Wege" — "Народ в пути", называется роман Йозефа Понтена о немцах Поволжья — самое крупное художественное произведение об их жизни до революции. "Volk auf dem Weg" называется уже 50 лет ежемесячный журнал Землячества российских немцев в Германии.

На Волге: "Лучше СПИД!.."

В Германии: "Лучше негры!.."

Около половины переселенцев на Волгу в XVIII веке погибло на пути к ней и в первые годы обустройства там. Около трети меннонитов Малороссии и тысячи немцев Поволжья эмигрировали в США и Канаду после отмены освобождения немцев-колонистов в 1871 г. от воинской службы. Около половины немцев Поволжья выехало в Северную и Южную Америку и Германию перед Первой мировой войной и после революции, спасаясь от шовинизма, голода и разрухи.

Вся история российских немцев — это жестокая борьба за физическое выживание, за сохранение своей национальной самобытности. В этой борьбе происходил жесточайший же естественный отбор, выковывался мужественный национальный характер, формировалась исключительная стойкость ко всем невзгодам жизни. Но судьба народа была настолько беспощадной к нему, что вновь и вновь делала невозможным сохранение его

основных жизненных ценностей и самой жизни на пропитанной его потом и кровью земле. И тогда, чтобы выжить, приходилось прибегать к последнему средству — эмиграции. Как ни удивительно — меньше всего назад, в Германию.

В рамках данного очерка нас интересует лишь последняя волна эмиграции, ее девятый вал — 1987–2001 гг., когда из СССР — стран СНГ выехало, на этот раз *только* в Германию, уже около 2,5 млн. чел. И может выехать еще столько же.

Эта волна интересует нас потому, что она является наиболее мощным проявлением стремления российских немцев к самосохранению, их неприятия репрессий, дискриминации, унижения национального достоинства, их борьбы за восстановление исторической справедливости, за национальное будущее.

Эта волна примечательна и тем, что, являясь фактически актом национального самоубийства народа, она ясно дает понять: национальное будущее для российских немцев настолько дорого и важно, что лишение надежд на него (через невосстановление их государственности в России) — трагедия для них более глубокая, чем даже исчезновение из человеческой истории вообще.

Эта волна — доказательство и того, что на этот раз, в отличие от всех прежних эмиграций, ее главной целью и двигателем является именно *национальный* аспект, а не просто физическое выживание, не улучшение жизненных условий, не сохранение свобод: никто из 2,5 млн. человек не поехал ни в Аргентину, ни в США, ни в Канаду, ни в Австралию, все поехали только в Германию.

* * *

Как же все начиналось?

Ограничимся лишь периодом со второй мировой войны, хотя вся история российских немцев готовила этот девятый вал. Готовила — начиная с обмана будущих колонистов во время вербовки их обещаниями благ, свобод, прав и "плодороднейших земель" в России; с использования их в качестве живого щита от набегов орд кочевников и в функции почвенной флоры и фауны, своим трудом, своими живыми клетками превращающих в гумус полубесплодные земли Заволжья; через ликвидацию их самоуправления, ограничение землевладения и гнусную борьбу с "немецким засильем" — "засильем" народа, вносившего громадный вклад во все сферы государственной жизни. И до грабежей гражданской войны, беспощадных продразверсток, раскулачивания и коллективизации; до подозрений в фашизме по национальной принадлежности в 1930-х гг., до ликвидации национальных районов и национальных школ, до костров из

немецких книг в начале войны.

Но основные причины выезда последних лет связаны, конечно, с Указом 1941 г., с подлыми обвинениями российских немцев в пособничестве врагу, с их поголовной депортацией в Сибирь и Казахстан, с репрессиями в виде трудармии, спецкомендатуры, дискриминации во всех сферах жизни; с невосстановлением государственности российских немцев; нереабилитацей их как народа в течение уже 60 лет — т. е. с лишением народа всякого национального будущего.

Таковы основные причины, выталкивающие российских немцев в эмиграцию. Но немало и сопутствующих. Они тоже давно известны.

Так, в конце 1950-х годов *всем* репрессированным народам вернули их государственность, *кроме российских немцев*. В 1965 г. российским немцам в ответ на их требование восстановить и их автономию четко было разъяснено на высшем уровне, что *к ним* применяются другие критерии, а именно — чисто потребительские: если восстановить АССР НП, то "500 тыс. немцев уедут из Целинного края, а без них там сельское хозяйство вести невозможно". В 1979 г., не спросив их, стали тайно готовить для них автономную область в Казахстане, спровоцировав массовые выступления казахов против этой идеи и против немецкого населения. Через десять лет такие же выступления против восстановления АССР НП были организованы в Поволжье: "Лучше СПИД, чем немцы!.." (СПИД получили, от немцев почти избавились — лозунги тоже имеют свойство осуществляться; только вот стало ли лучше?) Еще через три года "гарант Конституции" вместо выполнения подписанного им же Закона "О реабилитации репрессированных народов" предложил российским немцам выковыривать снаряды на военном полигоне…

Достаточно, чтобы понять, почему "эти немцы" выезжают? Оказывается, не всем. Другое хотят видеть в качестве причин. Назовем и другое.

Распад СССР полностью исключил возможность разом решить проблему для всех российских немцев. И без того распыленный народ был теперь еще и разодран новыми границами на немцев российских, казахстанских, киргизских, узбекских, таджикских, грузинских, украинских, прибалтийских… Хоть в одном новом "государстве" был решен их вопрос? Был. Практически во всех. И везде одинаково: национализм "коренной нации" сделал представителей всех остальных народов, в том числе и российских немцев, персонами non grata. Только в России нет, потому что в России не было национализма коренной нации и

потому, что коренная нация в ней сама была нацией non grata во власти.

Политическая нестабильность, экономическая разруха, криминальный беспредел, социальная незащищенность, развал медицины, образования, культуры, дедовщина в армии, война в Чечне, где сыновья гибли неизвестно за что, а также глубокие иллюзии у самих российских немцев, что выезд в Германию — это спасение и возрождение всего национального, немецкого, что это — возвращение на историческую родину, где они наконец-то будут среди своих, — все это еще один выталкивающе-вытягивающий в эмиграцию ряд причин. Тоже сам по себе достаточный для принятия решения. А в упряжке с первыми двумя — такая могучая тройка, что давно уже должна была сделать российских немцев в России обитателями Красной книги. Но не сделала. Потому что неожиданно их оказалось очень много: хотя выехало уже на полмиллиона больше, чем было вообще в СССР по последней переписи, все еще минимум половина "чистых немцев" здесь.

Как же реагировала Россия на выезд пятикратного количества тех, без кого сорок лет назад "сельское хозяйство вести было невозможно"? А никак. "Россия" целиком была поглощена установлением "демократии", т. е. яростным растаскиванием государственной собственности. И чем меньше владельцев и защитников оставалось у этой собственности, тем легче ее было растащить. Так что выездные ворота, в отличие от всех лет "тоталитаризма", были распахнуты настежь. В том числе и для десятков, сотен тысяч ненемцев — ученых, музыкантов, артистов, художников, писателей, спортсменов, симпатичных и менее симпатичных девушек: соль нации, цвет нации, интеллект нации, будущее нации — все оказалось ненужным даже без национального вопроса. А уж тем более с ним…

И население стран СНГ уже не видело больше в выезде российских немцев предательства, как внушали ему раньше. Наоборот, в нараставшем выездном потоке нордические черты становились все большей редкостью среди славянских скул, узкого разреза глаз и непреодолимого кавказского акцента новых арийцев…

Россия распахнула ворота настежь. Только три региона позаботились о своих немцах: создание двух национальных районов на Алтае и в Омской области да явные элементы национально-культурной автономии задолго до принятия Закона о ней в Новосибирской области говорили о том, что немцев там считали нужными не только сорок лет назад, но считают и сейчас.

Стремительную эволюцию проделала в своем отношении к выезду российских немцев и Германия. Но в противоположном направлении. Вспомним: начиная с 50-х годов, Западная Германия настойчиво добивалась от СССР уступок в выезде российских немцев — под флагом воссоединения семей (т. е. тех, кого во время войны увезли в Германию, — с их супругами, оставшимися здесь). Противодействие выезду в СССР было немыслимым — ведь он расценивался как доказательство преимущества капитализма перед социализмом, причем обеими сторонами. "Воссоединение" было лишь поводом, причина же была в идеологической борьбе. Поэтому в Германии — мощная материальная поддержка вырвавшимся, в СССР — мощное противодействие пытающимся.

Одновременно в СССР велась "контрпропаганда": посылки из ФРГ расценивались как унижающие достоинство советского человека подачки, а выезд — как предательство Родины и дела социализма. О чем в газетах и писали, приводя "конкретные примеры" с фамилиями, что формировало и общественное, и официальное мнение резко негативным по отношению ко всем российским немцам. И если учесть, что о немцах писали *только* по этому поводу, то можно и представить себе результаты "контрпропаганды".

Для российских немцев "воссоединение семей" тоже было лишь поводом. Поводом уехать. Потому что "воссоединение семей" было на самом деле разрывом семей: здесь оставались десятки ближайших родственников, там "ждал" бывший супруг, с которым не виделись 20–30 лет и у которого в Германии часто давно была другая семья.

В ходе перестройки Германия бурно приветствовала все шире открывавшиеся Россией ворота для выезда. Но после полного открытия российских ворот она очень скоро стала прикрывать свои. Устанавливались все новые барьеры: сокращение пособий и выплат, прекращение оплаты провоза багажа и авиабилетов; введение теста на знание немецкого языка, удлинение сроков обработки документов, перенесение ряда мероприятий интеграционного характера (обучение языку, профессиям, страноведение) на территорию России и, наконец, главное — сокращение числа принимаемых до 100 тыс. человек в год. Все более сдержанным, а затем и прямо негативным стало отношение к переселенцам политиков Германии (высказывание Лафонтена о предпочтительности для него африканцев — лишь один пример), СМИ, а значит, и населения.

Все нетерпеливее становились требования быстрейшей интеграции людей в новой для них стране, в обществе с не их

родным языком — людей, три поколения которых не имели возможности вообще заниматься немецким языком в школе. А когда поняли, что переселенцы — весомый электорат, то сделали их еще и предметом борьбы политических сил: если один блок получал их поддержку, то другой, естественно, был против их переезда.

Все это усугублялось низкой эффективностью германской помощи для российских немцев в России из-за многолетнего невыполнения своих обязательств самой Россией. А также все растущей безработицей в Германии и все большим превращением коренных немцев в безнациональных "европейцев".

Нетрудно себе представить, что пришлось пережить в такой обстановке на "исторической родине" переселенцам. Незнание языка, порождающее на каждом шагу комплекс неполноценности и высокомерно-отчужденные взгляды окружающих; непризнание твоих дипломов и аттестатов; невостребованность твоих знаний, умения, способностей, вообще как человека; постоянное подчеркивание твоей третьесортности; распад, разрушение и осуждение всей твоей прежней жизни при невключении в новую, другую жизнь — удивительно ли, что российские немцы в Германии ответно дистанцируются от местного населения, ответно относятся к нему, и к власти, и к государству как те относятся к ним; сами начинают изолироваться от общества, объединяясь между собой, особенно молодежь; начинают демонстративно говорить по-русски, вести свою, российско-немецкую жизнь на "исторической родине", что еще больше делает их там "неисправимыми русскими".

В общем, бежали от одних проблем и к "своим", а прибежали к не менее серьезным проблемам, и оказались у еще более "чужих".

Опыт ценою в 2,5 млн. человек

Что же принес выезд тем, кто по-прежнему остался в России? Итоги не однозначны.

С одной стороны, утраты огромны. Мы лишились половины нашего народа. Потеряли почти весь потенциал носителей родного языка, включая самое ценное — учителей родного языка; потеряли основной потенциал национальной культуры; потеряли значительный научный, интеллектуальный потенциал; лишились почти всех своих писателей, музыкантов, актеров, художников. Лишились многих представителей старшего поколения — живой нашей истории, наших традиций, национальной жизни. Мы

лишились многих активистов национального движения. И к разделенности народа по странам СНГ добавилась еще большая разделенность — между СНГ и Германией. Сегодня практически нет у нас семьи, часть которой не была бы в Германии. И прежде искусственно раздуваемая проблема воссоединения семей стала сегодня *для всех*российских немцев — и здесь, и в Германии — драматической реальностью. Причем если в прошлом Германия активно добивалась воссоединения семей, то сегодня ситуация изменилась и здесь: уже Германия пытается сдерживать этот процесс.

Народ разделен на две равные части; чаши весов на одном уровне; куда склонит их? Произойдет ли то, что было в 1924 г., когда провозглашение АССР НП вызвало массовое желание выехавших вернуться — из США, Канады, Германии, Южной Америки? Или нерешение нашего вопроса в России совсем лишит российскую чашу весов земного притяжения, а система социального обеспечения Германии станет решающей гирей в склонении чаши весов на ее сторону? Куда качнет народ в пути, гадать осталось, видимо, недолго.

Но в выезде для российских немцев были и несомненные плюсы. Прежде всего, это практически спасение того самого людского, трудового, языкового потенциала от невостребованности и полной потери здесь, в России и СНГ; даст Бог, он еще окажется полезным своему народу.

Выезд помог нам еще более трагично и глубоко понять: если у нас и есть будущее, то только в России.

Выезд помог также избавиться от иллюзий относительно исторической родины: Германия является исторической родиной для нас только как для *индивидуумов*; но как для народа — нет. Потому что *как народ российские немцы родились и сложились в России*. Поэтому выезд — это для народа вынужденный исход с его исторической родины ради сохранения хотя бы в раздробленном индивидуальном порядке самой популяции. И Германия принимает нас не как народ, а только как *переселенцев немецкой национальности*. И люди теперь выезжают, уже зная во многом, что их ждет, а значит, более готовые вытерпеть все — ради другой, еще непреодоленной иллюзии — "пусть хотя бы дети останутся немцами". Не останутся. — Ни российскими немцами, ни просто немцами. Немецкоговорящими "европейцами" будут дети…

Выезд в какой-то степени сказался положительно и на атмосфере в национальном движении: нет больше противодействия тех, кто боялся, что подвижки в решении нашего вопроса помешают им выехать; нет больше и того накала страстей

в противостоянии — они тоже в основном переместились с выехавшими и бушуют там. Само движение стало более трезвым, рациональным и в какой-то степени жертвенным — может быть, потому, что терять уже нечего?

Каковы последствия выезда для России? Они предстают только отрицательными. Главное из них, конечно, огромный экономический ущерб — ведь каждые 100 тыс. выехавших российских немцев — это ущерб в 2 млрд. долларов США. Умножьте на 25…

Выезд, таким образом, помог России лучше понять стоимость нерешения нашего вопроса.

Выезд еще раз показал очевидность простой истины: проблема российских немцев с выездом сама собой не исчезнет, неисправленная же несправедливость остается в сердце, в исторической памяти народа навсегда. И может еще не раз сказаться — самым неожиданным образом, что видно и на примере других народов.

Выезд как следствие нерешения национальной проблемы практически усилил чувство оскорбленности и обманутости как у оставшихся, так и у эмигрировавших.

Выезд серьезно увеличил базу потенциально негативного отношения к России в самой Германии — и у переселенцев, и у коренного населения, что совсем нежелательно, если учесть, что Германии и Россия — стратегически незаменимые партнеры. (Уменьшить этот негатив по отношению к России Германия может, только будучи к переселенцам еще более несправедливой, чем была Россия.)

Выезд также показал неспособность России быть ответственным партнером даже тому, кто пытается помочь ей в решении проблемы одного из ее народов.

Что принес выезд Германии? Тут итоги не односторонни.

Прежде всего, 2,5 млн. относительно молодых переселенцев — это огромный подарок судьбы безнадежно стареющей стране.

Это и подарок ее экономике: активные, трудолюбивые, не чурающиеся никакой работы российские немцы, не привыкшие проводить стачки и демонстрации из-за каждой мелочи, уже сейчас, несмотря на трудности с языком, имеют меньший процент безработных, чем в среднем по стране, и успешно конкурируют не только с коренными немцами, но и с гастарбайтерами — иностранными рабочими, привлекаемыми в сферы, непопулярные у коренных немцев.

Среди переселенцев много хорошо образованных, грамотных людей. Их дети, даже имея еще немалые трудности с языком, уже часто выделяются в школах своими способностями.

Среди российских немцев немало хороших спортсменов, включаемых даже в олимпийские команды Германии.

Огромным приобретением для страны стал потенциал знания русского языка, практически родного для переселенцев; признание его ценности и необходимости его сохранения приходит, наконец-то, на смену негативному отношению к нему.

Наконец, российские немцы по своей ментальности часто все еще гораздо больше немцы, чем граждане Германии. Это тоже может положительно сказаться на национальном самочувствии народа.

Но принятие 2,5 млн. человек не могло не вызвать и проблем. Социальные проблемы, проблемы интеграции, проблемы незанятости молодежи — неизбежны в таких массовых процессах. Тем более, что этот процесс наложился по времени на процесс воссоединения Германии с колоссальными затратами по "санированию" восточных земель, а также на процессы спада экономики, роста безработицы и объединения Европы, потребовавшего от Германии особого вклада. В этих условиях затраты на обустройство переселенцев воспринимались, тем более в обыденном сознании, тоже как одна из причин общего понижения уровня жизни.

Однако все эти затраты уже давно себя оправдывают. Российские немцы уже вносят в социальную кассу Германии намного больше, чем получают из нее. Но полная отдача переселенцев государству еще впереди.

Надо также учесть, что негативные переживания переселенцев, вызванные недружественным обращением с ними на различных стадиях и уровнях "интеграции", могут стать для германского общества одной из серьезных проблем, если не будут своевременно сглажены нужными переменами. Память сердца, историческая память народа и здесь может сказаться в будущем. Тем более при исторически сформированной тяге российских немцев к общинности, коллективности жизни и действий.

И вместе с тем, можно уверенно сказать, что выезд для многих российских немцев стал фактически спасением. Особенно для немцев из Средней Азии и Казахстана, для пожилых и нуждающихся в лечении: все же в социальном плане лучше быть российским немцем в Германии, чем в странах СНГ. Этот вывод тоже останется в памяти народа.

Как убивалось чувство Родины

С распадом СССР российские немцы потеряли многое. Но

свобода решать, где им жить, и право выезда — это несомненное приобретение. И то, что выезд не считается больше предательством (особенно при власти, предавшей страну и народ), — тоже. Тем более, что выезд идет ради самосохранения.

И тут встает вопрос о патриотизме российских немцев. Конечно, тем, у кого он встает, можно порекомендовать хотя бы чуть-чуть ознакомиться с их историей. С *цифрами*, сколько их погибло, защищая Россию. С указами и с *обвинениями*, содержащимися в них. Еще раз посчитать, *сколько же лет* российские немцы ждут восстановления справедливости и, имея возможность выехать, все еще борются за эту справедливость и все еще убеждены, что будущее их как народа возможно *только* в России. Или хотя бы вернуться к строчкам чуть выше, где перечисляются — просто перечисляются, без приведения конкретных результатов их воздействия на конкретные судьбы — причины, *выталкивающие* людей в эмиграцию. А лучше всего посмотреть душераздирающие кадры телепередач, показывающих, *как* немцы расстаются с Россией. Или хотя бы прочитать стихотворение Эдуарда Альбрандта "Аэропорт" на эту тему, хотя бы три заключительных строфы:

…И вот опять родные улетают.
Подумать можно: на подъем легки.
Но слезный спазм гортань пережимает,
И плачут, уезжая, старики.

Изверились. И снова раз за разом,
Давя раскатным ревом на виски,
Летит в закат крылатая "Люфтганза",
Уносит тела нашего куски.

И новый рейс. И снова слезы льются.
"Прощай!" — гудит по залам и углам…
Те улетают. Эти остаются.
Душа и сердце рвутся пополам.

От того, что не дорого, *так* не едут. И к светлому будущему тоже едут иначе. Значит, *выхода* другого нет…

И все же не будем обходить этот вопрос. Тем более, что он не так давно был поставлен и мне самому журналистами-телевизионщиками из Германии, снимавшими почти часовую нашу беседу.

Мы лишились нашей родины 250 лет назад, вытолкнутые, как выталкиваемся сейчас, в эмиграцию. Мы *сделали* себе новую

родину, вложив труд и жизнь нескольких поколений в выделенные нам для поселения и хозяйствования земли. Сделали, привив и развив на них то, что смогли увезти с собой от исторической родины, — нашу суть, нашу немецкость. Мы через нашу малую родину получили большую родину — Россию, и стали ее неотъемлемой частью, включенной в ее историю — особенно через городских немцев. Недаром даже в не очень для нас добрые времена перед Первой мировой известнейший российский политический деятель, философ и историк, П.Б.Струве, сравнивая немцев и евреев в России, писал, что евреи, играя в русской культуре самую большую из всех инородцев роль, остаются при этом все же евреями; немцы же, роль которых в русской культуре и науке тоже неоспорима, растворяются в ней "без остатка".

В 1941 г. Указом от 28 августа мы были отторгнуты нашей большой родиной. Она решила на всякий случай нам не поверить и выселить, а за отсутствием действительной вины придумала её, эту вину, чтобы сделать репрессии к нам "обоснованными".

Она сделала самое подлое, что можно было сделать: объявила нас в воюющей стране предателями. Всех, от грудных младенцев до глубоких стариков. Наша большая родина вмиг сжалась для нас опять до маленькой, но лишь на время подготовки к выселению. В Сибирь и казахстанские степи мы вновь прибыли только с тем, что каждый имел в себе. И функцию родины стали выполнять для нас родной язык, наши традиции и обычаи, наша история и культура, наше живое общение. И наша надежда на то, что когда-нибудь мы все это опять сможем привить и развить, вернувшись на малую родину, которой нас — всех! — лишили.

Но и эта внутренняя, духовная, идеальная, как сейчас бы сказали — виртуальная родина была для нас так дорога и значила для нас так много, что помогла народу выстоять и в гибельной трудармии, и под комендантским надзором, и в десятилетия не знавшей просвета дискриминации.

Но нас лишили не только большой и малой родины. Постепенно, методично в нас уничтожали — кусок за куском — нашу внутреннюю родину, единственную нашу опору в жизни. Нас лишили родного языка, национальной культуры, запретили нашу историю и литературу, исключили возможность национальной жизни и живого общения. А лишив нас национального прошлого и настоящего, уничтожили затем и последнее, что в нас еще было, что еще поддерживало нас, выполняя, пусть символически, функцию родины, — уничтожили надежды на национальное будущее.

Нас лишили надежд, и вместо их тепла и света в нас осталось только холодное *понимание целесообразности* для России решения нашего вопроса. Достаточно ли этого, чтобы говорить о родине, о патриотизме?

Родина *еще может быть* нам возвращена — это мы понимаем, пусть уже давно и не сердцем. Но будет ли?

Конечно, за 60 последепортационных лет в каждого из нас отдельно мощным потоком, не *через* наше национальное, как должно бы быть, а *вытесняя* его, влились могучая история, культура, литература, искусство и главное — русский язык России, во многом возродив в нас чувство большой родины. Но при *насильственности* этого процесса, при постоянной временности нашего проживания в тех или иных местах России, при отсутствии собственной территории, для привязки духовных элементов большой родины чувство это остается неполнокровным, не имеющим прочной опоры.

Не чувство родины и не чувство патриотизма движет нами и при выезде в Германию. Историческая родина и родина — порой очень разные понятия. И жизнь это подтверждает самым суровым образом: уже при оформлении документов на выезд, уже при входе в германское консульство — какие очереди и какой тон общения чиновников там, где стоят российские немцы, и там, где идут "контингентные".

И прибыв в Германию, российские немцы не имеют никакой базы для возрождения этих чувств. В самом деле, литературный немецкий язык Германии — не родной язык российских немцев. Ее сегодняшние культура, литература, искусство, обычаи и традиции — совсем другие. Не будет в Германии и привязки "внутренней родины" к какой-либо земле — российские немцы, для скорейшей "интеграции", т. е. ассимиляции, принудительно расселяются по всей территории Германии, и никогда у них не будет там собственной территории.

Не нужна там никому и наша история. Так что и в Германии *ничего* из того, что составляет для нас чувство родины, не получает благодатной почвы, не наполняется жизненными соками. В том числе и последнее, что движет многими при выезде, — надежды на свое, родное, немецкое будущее.

Более того, ненужным и чуждым воспринимается там и все российское в нас, наша "внутренняя Россия". Нас вынуждают отказаться там и от нее. И получается: из нас выскребают, выжигают окончательно все, что было в нас, — и российско-немецкое, и российское, и немецкое.

Возможно, чувство родины и сможет после таких варварских, нечеловеческих операций когда-нибудь снова возникнуть у

людей, но не как у российских немцев, а уже как у "интегрированных" граждан Германии; и не у живых поколений, а только у будущих. Если в Германии к тому времени кто-либо вообще еще будет знать, что такое чувство родины и кто такие немцы. Живым же после России в любой стране трудно, как если после просторной квартиры переедешь в маленькую комнату: пусть даже она уютна и хорошо обставлена, все равно задыхаешься…

Что же делать с этим треклятым выездом, доставляющим столько проблем каждой стороне и не решающим ни одной проблемы ни у кого? И нужно ли что-то с ним делать? Может быть, пусть себе идет? Когда-нибудь все равно выдохнется?

Выдохнется. Но никаких проблем так и не решит. А ведь речь идет о будущем целого народа; речь идет о серьезнейших интересах, хотя бы экономических, России; речь идет о многих вопросах для Германии. Поэтому, может быть, и стоит на него воздействовать? Хотя бы чтобы исключить его вынужденность, его насилие над судьбой конкретных живых людей?

Можно бы попытаться предложить разные хитрые и простые вещи для уменьшения выезда.

Допустим, Германия, если она действительно страдает от въезда российских немцев, могла бы в значительной части снять притягательность (или вынужденность) выезда выравниванием условий жизни хотя бы пенсионерам через адресную помощь (доплаты к пенсиям, на лекарства, например, в рамках помощи пострадавшим от войны); это могло бы обойтись очень недорого по сравнению с затратами на обустройство переезжающих в Германии и уберечь многих людей от ломки всей их жизни из-за вынужденного переезда. Но все это будут лишь конфетки умирающему, когда требуется кардинальное оперативное лечение.

А здесь единственный выход — решение проблемы российских немцев в России. Тогда сократится выезд-выталкивание, начнет строиться национальное будущее народа, без сомнения многие вернутся из Германии, и Россия вместо потерь от выезда начнет получать выгоду от одного лишь восстановления справедливости.

VII. Чтобы иметь будущее?

Попытавшись в предыдущих разделах разобраться в сложном комплексе проблем, связанных с проблемой российских немцев, можно, наверное, уже сделать некоторые выводы.

Что имеем?

О ситуации. За последние десять-пятнадцать лет можно отметить несколько важных позитивных перемен в положении российских немцев. Так, их проблема не является больше запретной; государство само несколько раз обращалось к ней и даже принимало серьезные документы. Главные из них — Закон "О реабилитации репрессированных народов", Постановление о создании Госкомитета по проблемам российских немцев, российско-германский Протокол о поэтапном восстановлении их государственности, Федеральная программа на 1997–2006 гг. Созданы два национальных района. Велось строительство ряда компактных поселений. Осуществлялись различные проекты в сфере культуры: издавались книги, проводились художественные выставки, концерты и т. д.

Однако принятые важные документы не превратились в конкретные программы действий с необходимой финансовой базой и механизмом исполнения. А значит, для российской стороны эти документы были лишь политической игрой. Отсюда и итоги.

Доверие к власти (надо полагать, не у одних российских немцев) трансформировалось в полное недоверие к ней как к власти нечестной, готовой использовать для своих конъюнктурных целей даже самые святые чаяния народов. Вера в возможность решения национальных проблем путем мирного диалога с властью, в чем так обнадеживали Закон "О реабилитации репрессированных народов" и другие документы, фактически была цинично попрана; дальнейшая же практика "диалогов" все больше убеждала в том, что власть замечает национальные проблемы только когда начинает литься кровь. Такое восприятие власти настолько укрепилось за десять ельцинских лет, что не изменилось и сегодня. (Впрочем, для этого не было пока оснований).

Экономически Россия получила, правда, от проблемы российских немцев за десять лет выгоду: 600–700 миллионов немецких марок безвозмездной помощи. Однако за эти же десять

лет в результате такой антинациональной политики было потеряно на выезде 2,5 миллионов российских немцев как минимум 50 миллиардов долларов США, т. е. более 100 миллиардов немецких марок. И значит, за каждую "халявную" марку Россия заплатила тысячу марок. При честной же игре все могло быть наоборот: национальная проблема российских немцев была, а во многом и остается еще, одной из самых прибыльных экономических проблем страны.

Это лишь голые экономические потери от нерешения проблемы. А сколько стоит еще утечка с выехавшими демографического, интеллектуального, морального, культурного потенциалов?.. Дальнейшее же нерешение проблемы может привести практически к удвоению этих потерь.

При этом нам отвечают, когда речь идет о необходимости сделать *хотя бы что-нибудь* для российских немцев, хотя бы к той же трагической, невообразимой для нормального разума, дате — 60-летию нереабилитации безвинно репрессированного народа: а как воспримут это другие народы? Действительно, это была бы совершенно необычная ситуация: *впервые* за 60 лет российским немцам что-то сделали бы хорошее! Это было бы настолько необычно, что "другие народы", прошедшие после нас наш путь и получившие еще 45 (!) лет назад обратно свою государственность, не смогли бы перенести такого "нестандартного хода" руководства страны…

Такая политика России привела и к тому, что практически полностью разрушена вера германской стороны в желание и способность российской стороны не только соблюдать достигнутые договоренности, но и вообще решать проблему российских немцев. Итог — удрученно-раздраженное сворачивание государственной помощи для России в этой сфере и, что еще более болезненно для проблемы, — полное отключение от нее *политической* сферы Германии, без которой вся работа превращается в вынос мусора перед переездом учреждения.

Не будет изменена политика российской стороны, свернется полностью помощь со стороны Германии — удар по проблеме будет сильнее, чем если бы вообще не начинали ни с какой помощью. Ибо за десять лет этой помощи регионы привыкли к тому, что проблема российских немцев *выгодна*: заниматься ею означает не только сохранить у себя квалифицированную рабочую силу и привлечь ее из других регионов (стран СНГ), но и получать вдобавок ощутимые при сегодняшней всеобщей нищете финансовые инъекции. Прекращение германской помощи вызовет, как у алкоголика или наркомана, синдром отмены,

"ломки", и раздражение, агрессия будут направлены опять же против "этих немцев", под которых не только больше ничего не дают, но которых и больше невозможно будет ничем удержать. И так как помощь — как германская, так и российская, — расходовалась таким образом, что большинство российских немцев от нее не получили ничего, а экономическая база их дальнейшего существования тоже не создана, то вдобавок ко всем другим выталкивающим в эмиграцию причинам "синдром отмены" будет действовать для российских немцев особенно болезненно: была помощь — был интерес к людям, нет помощи — равнодушие, раздражение, ненависть. Сможет ли российская сторона изменением своей политики остановить сворачивание помощи с германской стороны или хотя бы компенсировать уход германской стороны и предупредить "синдром отмены" — новую, еще не изведанную нами напасть?

Но главное опять же — сами российские немцы. Лет десять назад мне уже пришлось высказать предположение, что нерешение вопроса российских немцев, убив в них все надежды, заставит их психологически перевалить через вершину разочарования в их многолетних надеждах и там, за перевалом, все дальше спускаться по склону выезда. И вернуть им надежды на этапе *подъема* к перевалу для России менее затратно, чем на стадии за *перевалом*. Сегодня это произошло: около половины российских немцев уже даже не на спуске, а вообще в другой стране; многие из оставшихся — психологически тоже за перевалом; и часть — еще здесь, внизу, или на подъеме к полному разочарованию. Ситуация усложнилась во многом. Но она все еще решаема! И как прежде, решить ее может *только* Россия.

И вспоминается еще один эпизод десятилетней давности. На заседании Государственной комиссии СССР по проблемам советских немцев академик Б.В.Раушенбах в свойственной ему обобщающей форме выразился так: проблема советских немцев — это уже не их проблема; они свой выбор сделали, они выезжают. Их проблема теперь — это полностью проблема государства… Мне лично этот вывод показался тогда преждевременным и обрекающим российских немцев на бездействие, чего не могла воспринять душа. Ведь мы пытались тогда мобилизовать все силы, весь разум, все терпение, чтобы *помочь* руководству страны сделать хоть что-то для нашего народа. Но наша готовность помочь никому не была нужна. Сегодня мы убедились: мудрый академик и в этом был прав. Наша проблема при нашем положении отверженных всегда была и остается проблемой *только* России; не захочет она ее решать — никакие усилия

российских немцев, никакая помощь Германии не помогут.

Таков первый вывод о сегодняшней ситуации.

Нам нередко задают вопрос: а стоит ли еще заниматься проблемой российских немцев? Тем более, что уехало их больше, чем вообще было по переписи. И хотя на территории СНГ их все еще около 1 миллиона, т. е. с членами семей из смешанных браков 2–2,5 миллиона человек (основная их часть в России), большинство ведь тоже ориентируется на выезд. Стоит ли заниматься ими?

Вопрос этот всегда возмущает своей бестактностью. Фактически это иной вопрос: стоит ли через 60 лет восстанавливать справедливость по отношению к тем, кому поломали "по ошибке" всю жизнь? Или стоит ли лечить больного — ведь все равно когда-нибудь умрет? И стоит ли вообще помогать в жизни людям или только потребительски требовать от них? Это вопрос и об общественной морали: что ждет общество, в котором могут возникать такие вопросы, а тем более в котором могут *не решаться* такие вопросы?

Даже если бы все российские немцы уже были загнаны в эмиграцию, справедливость по отношению к ним должна бы быть восстановлена — это нужно не только им и их потомкам, но в первую очередь самому государству. Даже если бы *все* российские немцы погибли при депортации, в трудармии, на спецпоселении, все равно они должны были быть реабилитированы — посмертно, как сотни тысяч, миллионы других репрессированных советских людей. И это тоже нужно государству, его народам. Несправедливость, за которую не извинились, порождает новые несправедливости; несправедливость, за которую извинились, *предупреждает* новые несправедливости. Так что восстановление справедливости всегда актуально и стратегически верно.

Надо учесть и другое. Одно дело когда человеку, народу дали понять: надежд у тебя никаких. И он, не имея выбора, принимает решение, не столько спасительное, сколько протестное. Совсем другое дело, когда даже после десятилетий несправедливостей он встретит наконец понимание и поддержку. У него опять появляются надежды и выбор, и он может изменить даже уже принятое решение.

Далеко неоднозначно и то, что все российские немцы определились на выезд. Да, они *подведены* к принятию такого решения, их могут *вынудить* принять такое решение — это вполне вероятно. Но опять же — что может вынудить? Только отсутствие надежд, т. е. отсутствие шагов по реабилитации народа со стороны государства.

Вообще: когда речь идет о миллионах человек, вопрос

никогда нельзя считать решенным. Об этом говорит и позиция самих российских немцев: они борются за будущее своего народа, которое по-прежнему видят только в России.

О целях российских немцев. Жизнь показала, что их давняя цель — восстановление территориальной государственности как *главного* условия сохранения народа, остается по-прежнему незыблемой. Никакие проекты в сфере культуры, никакие компактные поселения, ни даже национальные районы не могут заменить территориальную государственность. *Совместное проживание народа, собственная территория, собственная экономическая база — без этого нет и не может быть народа!* И паллиативы здесь неприемлемы: или народ получает то, что ему нужно для выживания, или страна теряет народ, даже если он и не выезжает. Третьего не дано.

Национально-культурная автономия, имея сегодня важнейшее значение как представительная организация российских немцев, тоже не может рассматриваться как альтернатива государственности. Тем более, когда ассимиляция народа заведена так далеко. Она может быть только дополнением к территориальной государственности (вариант — к национально-территориальным образованиям) и средством поддержания национальной идентичности до восстановления государственности. Она может быть инструментом достижения этой государственности. Но возлагать на нее другие, большие надежды — это обманывать народ.

Такой сегодня предстает ситуация у российских немцев. И такой видит ее сегодня их Федеральная национально-культурная автономия. То есть, цели, интересы народа и его национального движения совпадают полностью; народ и ФНКА, так сказать, едины.

Но это единство может быть легко разрушено. Это может произойти, если и сегодня, при новом Президенте, не будет принято срочных и действенных мер по реабилитации российских немцев. Тогда возникшие было надежды рухнут окончательно во всем народе! В этой новой ситуации Федеральная НКА должна будет решить для себя нелегкий вопрос: пытаться ли ей и дальше поддерживать в народе веру в восстановление справедливости, рискуя быть обвиненной в выполнении спецзадания по обману народа; продолжать ли ей свою мужественную борьбу за будущее народа теперь уже в отсутствие всяческой поддержки, даже в условиях неприятия со стороны самого народа; или, как "Возрождение" в 1991 г., объявить идею реабилитации и восстановления государственности окончательно убитой и призвать к новому массовому выезду, так что к 250-летию

Екатерининского Указа от российских немцев в России останутся лишь миллионы заброшенных могил да скупые упоминания об их вкладе в становление великого государства.

Исторический наш опыт подсказывает, что если отношение к российским немцам в России не изменится самым кардинальным и срочным образом, как это было после Октябрьской революции, то выталкивание народа в эмиграцию практически предопределено: уговорить народ, после 60 лет несправедливостей, репрессий, дискриминации, после издевательских оскорблений даже бывшим Президентом страны, — уговорить после этого народ и дальше надеяться на что-то вряд ли кому удастся. Да и вряд ли было бы честно по отношению к нему. Сегодня требуются уже не уговоры, не слова, а действия — конкретные, серьезные действия. Со стороны государства.

Да, со стороны государства. Потому что как раньше, так и теперь, проблема российских немцев решается не "снизу" (снизу она может лишь инициироваться — национальным движением или выездом), а только "сверху" — руководством страны.

Даже самые прекрасные идеи, не имея под собой достаточно сил для осуществления, остаются благими пожеланиями. Есть ли у нашей цели движущие силы, способные обеспечить ее достижение?

В этом вопросе мы тоже должны отметить удивительную стабильность нашей проблемы: главные движущие силы остались в ней прежние. Это отчаянное стремление российских немцев сохраниться как народ и это экономические интересы России и ее регионов.

Правда, в последнее время кое-что здесь и прибавилось. Это консолидация движения российских немцев в лице их Федеральной НКА — действенной, активной, с небывалым до этого политическим опытом. Это острая демографическая ситуация в России. Это настоятельная необходимость для российского руководства заняться, наконец, и национальной политикой в стране. Это международные требования к России как члену Евросоюза по обеспечению прав национальных меньшинств. Наконец, это конъюнктурные интересы сегодняшнего социал-демократического руководства Германии: по закону об устранении последствий войны нужно принять *всех* российских немцев, желающих въехать; но этого новому руководству не хочется; остается помочь создать для них в России условия для сохранения их как национальной общности. К тому же в Германии грядут очередные выборы, и новой коалиции требуются результаты и в этой сфере деятельности.

Силы, как видим, и большие, и долговременного действия, и островостребованные. Но, как и раньше, их нужно сначала запустить. Что мешает это сделать? Иначе: что сегодня мешает решению нашей проблемы?

Начнем как всегда с себя.

Российские немцы *как народ* распылены, раздроблены территориально, разъединены разными условиями удовлетворения их национальных и социальных запросов. Отсюда различие их интересов: широчайший спектр от удовлетворенности жизнью до категоричного "только выезд!". Российские немцы не имеют до сих пор даже общественного самоуправления, тем более собственных представительных органов, представительства в органах власти. Не имеют они и собственных эффективных средств массовой информации, ни денег на оплату чужих СМИ — чтобы громко поставить свой национальный вопрос перед обществом и государством. И не имеют эффективных форм протеста, кроме выезда (силовые методы в их ситуации неприемлемы: они считают Россию своей родиной; а с родиной, как с родителями, силой не борются, от них в крайнем случае просто уходят). Поэтому их надежды только на политическую волю, на разум руководства страны, на задействование интересов страны.

В России, хотя ситуация потихоньку и стабилизируется, власть по-прежнему занята в основном самосохранением; как всегда у нее миллион "более важных" дел; ее чиновники намного дальше от проблем народа, чем бывшие партийные бонзы в СССР; и, как любая "демократически избранная" власть, она тоже не может позволить себе заниматься стратегическими проблемами государства, когда над ней постоянно висит дамоклов меч очередных выборов. Вдобавок она со страхом смотрит на любое проявление национального вопроса, глядя на него только через призму чеченской проблемы.

Для Германии же проблема российских немцев дискредитирована равнодушием к ней России, безрезультатностью десятилетней помощи, все растущим недовольством этой помощью самих российских немцев, и внутренними проблемами страны от переезда в нее двух с половиной миллионов человек. При социал-демократическом равнодушии к национальным проблемам вообще этого вполне достаточно для "новой доктрины" — постепенного сворачивания экономической и политической поддержки нашей проблемы.

Что одержит верх: действующие и потенциальные движущие силы или силы торможения — покажет время. Очень скоро.

Чего хотим?

Что же мы в этой сложной для себя ситуации еще считаем необходимым? Какие задачи ставим перед собой? Чего хотим от России и Германии?

Прежде всего мы должны иметь ясность относительно собственных целей и задач. Если мы хотим сохранить себя как народ (что возможно, как мы помним, только в России), то мы в первую очередь не имеем права отказываться от своей главной цели — восстановления территориальной государственности. Ибо отказаться от нее — это отказаться от будущего. Речь может в крайнем случае идти об *этапах* продвижения к этой цели — в виде развития института национально-культурной автономии, введения национального самоуправления, создания системы национально-территориальных образований низшего уровня — но никак не об отказе от самой цели.

Для более успешного продвижения к этой цели необходимо дальнейшее объединение и расширение активных сил народа, то есть развитие движения российских немцев, его Федеральной НКА.

Необходимо усилить всю работу, для чего нужно перевести ее с общественных форм на штатную, профессиональную основу, что может быть осуществлено сегодня только при поддержке государства — это и в его интересах. (Временно могли бы помочь здесь спонсоры из числа предпринимателей, хозяйств, предприятий российских немцев.) Настало время создания высокостатусных структур российских немцев: национального (народного) парламента, национального правительства (пусть даже в отсутствие территории), что может быть осуществлено просто повышением статуса имеющихся структур ФНКА. Нужны на штатной основе представительства ФНКА и ее исполнительные структуры в регионах как начало продвижения к самоуправлению.

Нужны государственные программы решения нашей проблемы. Необходимо не символическое, а эффективное финансирование всей проводимой работы. Нужно представительство российских немцев в структурах государственной власти на всех ее уровнях. Ибо для решения такой проблемы прямые отношения с государством должны быть на всех уровнях, включая самый высокий. Такой же выход российских немцев и их проблемы на решающий, политический уровень должен быть обеспечен в Германии, пока она участвует в решении нашей проблемы.

Исходя из того, что российские немцы на всей территории

бывшего СССР являются единым народом, предстоит их консолидация и объединение их усилий для решения общих проблем в сотрудничестве со странами СНГ. Эта задача стоит также, причем особенно крупно, перед российскими немцами России и Германии.

Национальному же движению предстоит решительное освобождение от паразитирующих на проблеме случайных людей: оно не может позволить ни дальнейшей дискредитации проблемы, ни дальнейшей траты сил на "учет интересов" агрессивных патриотов личной прибыли за счет народа.

Чего мы ждем от России, так долго мучающей нас родины, без которой мы как народ не имеем будущего?

Мы ждем от нее, от ее руководства *хотя бы одного* всплеска чувства справедливости. Мы ждем от нее национальной политики в многонациональном государстве не только в виде спецопераций. Мы ждем объявления проблемы российских немцев пилотным проектом этой будущей государственной национальной политики. Мы ждем политической воли от ее руководства. Мы ждем создания необходимой правовой базы для решения нашего вопроса, принятия Закона о реабилитации российских немцев и выполнения уже принятых законов и решений. Мы ждем обеспечения представительства нашего народа в органах государственной власти страны. Мы ждем принятия новой государственной программы по российским немцам — с нужной нам и стране конечной целью. Мы ждем реально необходимого финансирования этой программы, а не "государственной поддержки" в виде части удерживаемых с германской помощи налогов. Мы ждем освобождения германской помощи российским немцам от всяческих налогов и таможенных сборов, убивающих весь смысл этой помощи.

Чего мы ждем от Германии, так долго добивавшейся свободы нашего выезда, так бурно подключившейся к решению нашей проблемы и так по-детски обиженно сворачивающей сегодня свою помощь, вводя все новые препятствия и "воссоединению семей"?

Мы хотим от Германии серьезной *государственной* политики в духе Протокола 1992 г. о поэтапном восстановлении государственности российских немцев. Мы хотим подключения к нашей проблеме высших политических уровней страны: ее Президента, ее Канцлера, ее Парламента, как это было раньше. Мы хотим от нее разработки, совместно с Россией и нами, межгосударственной программы решения нашего вопроса. Мы хотим, чтобы ее помощь не сворачивалась, а расширялась, как это требуется для достижения поставленной цели. Мы хотим, чтобы были безотлагательно и кардинально пересмотрены

существующие ее механизмы и инструменты в сфере оказания содействия российским немцам — они во многом изжили себя и дискредитируют и нас, и нашу проблему, и германскую помощь, и саму Германию. Мы хотим, чтобы она установила тесное сотрудничество и с Россией, и с российскими немцами, без чего не может быть работы "в пользу" российских немцев. Мы хотим, чтобы ею учитывались и уважались законы России, в том числе Закон "О национально-культурной автономии", и позиция Минфедерации, и единая организация российских немцев — их Федеральная национально-культурная автономия. Только открытое, основанное на полном доверии друг к другу, тесное сотрудничество между Россией, Германией и российскими немцами, с гласностью, общественным контролем и максимальным включением самих российских немцев во все сферы и механизмы проводимой работы, могут изменить ситуацию.

Мы ждем от Германии понимания того, что мы в России — не деградировавшая германская диаспора, а один из уважаемых за свои качества и свой вклад народов России. Что всегдашняя преданность российских немцев России — не утрата национальной идентичности, а выражение одной из немецких национальных черт — верности отечеству, и одновременно стремление сблизить два государства, от взаимоотношений которых зависит наша судьба. Что российские немцы, во время войны отдававшие все силы и жизнь цели победы своей страны, внесли тем самым свой вклад и в освобождение германского народа от диктатуры фашизма.

Мы ожидаем от Германии понимания того, что, во многом отличаясь от германских немцев, мы совсем не хуже их. Что наши огромные 250-летние усилия по сохранению нашей национальной идентичности достойны уважения, как стремление всякого народа к самосохранению. Что, переехав в Германию, наши люди достойны хотя бы понимания трагичности пройденного ими пути — не по их вине.

Мы хотели бы от Германии проведения в нашем вопросе государственной политики вместо манипулирования проектными рычагами; открытости и ясности этой политики и для российских немцев, и для власти в России; и независимости *государственной* политики от итогов очередных выборов.

Нам хотелось бы от Германии политических инициатив перед Россией в нашей проблеме — это еще необходимо. Нам хотелось бы увидеть опять с германской стороны активный государственный интерес к нашей проблеме на всех уровнях — вместо интереса посредников, теряющих материальные стимулы

своей деятельности.

Мы хотели бы от нее еще некоторого терпения к частым сменам российских министров.

Мы хотели бы, чтобы к сегодняшнему движению российских немцев в лице их Федеральной НКА отношение было как к *национальному* движению, и отношение к *коммерческим* структурам только как к коммерческим, а не национальным, и чтобы сегодня через десять лет нашего "сотрудничества", наши германские коллеги уже могли бы отличить одно от другого.

Мы полагаем, что российских немцев за всю их российскую историю, особенно за последние 60 лет, настолько разъединили территориально, что сегодня нет необходимости разъединять еще и их движение, раскалывая их Федеральную НКА и поддерживая ее противников.

Мы хотели бы надеяться, что и германская сторона, наконец, увидит, что сегодня в движении российских немцев после создания ФНКА нет больше различных организаций, которые "все равны". Что нет больше и "двух сторон", "двух крыльев" в движении. Нет больше "двух подходов" к проблеме и нет больше "внутренней конфронтации". Объединяя на местном и региональном уровнях практически все общественные организации российских немцев, которые все вместе и создали ФНКА, эта ФНКА выражает их *консолидированное* мнение. А противостоят ей подрядно-коммерческие структуры с собственными интересами только к средствам, выделяемым под проблему. И эти структуры — не направление, не сторона, не крыло, а в лучшем случае перья в хвосте движения, которые топорщатся и хотят стать головой, а главное — клювом этого движения…

Мы полагаем также, что верность данному слову — когда-то наиболее яркая особенность немецкого характера ("Ein Mann — ein Wort"), должна бы и сегодня соблюдаться не только российскими немцами, но и их германскими партнерами. То есть чтобы принятые законы (в том числе об устранении последствий войны), подписанные протоколы, достигнутые договоренности не забывались и не переиначивались в зависимости от тех или иных соображений.

Мы убеждены в том, что многие проблемы в отношениях можно предупредить и исправить, если регулярно встречаться и обсуждать накопившиеся вопросы. Причем обсуждать не для того, чтобы спустить пар и вызвать ложные надежды, а чтобы решать эти вопросы, совместно находя наиболее эффективные пути.

Как видим, сам перечень наших пожеланий к германской стороне свидетельствует о том, на какой уровень опущена ее

государственная политика в проблеме российских немцев, во что эта политика превращена и какие результаты она дает. Дело самой германской стороны определить, кто так трансформировал высокие цели, добрые намерения и стремление государства исправить в отношении российских немцев трагические последствия последней войны. Наша же задача — помочь германской стороне понять, что на самом деле происходит (при игнорировании встреч — хотя бы через публикации), чтобы она могла, наконец, исправить вышедшую из-под управления ситуацию.

* * *

Итак, к каким выводам мы пришли, пытаясь проследить, куда влечет нас рок событий?

Одинаково не приемля христианский грех пессимизма и розовые очки оптимизма, будем до конца следовать своей задаче: искать наш путь к цели в реальности.

Можно, видимо, сказать, — через 250 лет нашей истории — что будущее у нас как народа в России все же возможно. Сама многонациональная Россия, сохраняющая веками свои народы, тому лучшее подтверждение.

Мы можем еще раз сказать, что *вне* России у нас как народа будущего нет. Она нам жизненно нужна. И мы остаемся нужны ей.

Мы можем также считать, что решить нашу проблему России и можно, и необходимо, и *выгодно*. Потому что наша *национальная* проблема является для России проблемой в первую очередь *экономической.*

Мы вполне можем считать, что невосстановление автономии российских немцев в 1957, 1965 и 1989 гг. связано именно с их большой ролью в экономике ряда регионов страны: их боялись потерять как нужную рабочую силу.

Отсюда можно утверждать, что эгоистические интересы регионов в нашем вопросе с тех пор, как разрешен выезд, полностью противоречат интересам государства, ибо вызвали массовую эмиграцию российских немцев, т. е. потерю этой нужной "рабочей силы" и для регионов, и для государства вообще.

Мы можем сказать, что сегодня восстановление нашей государственности наверняка не вызовет массового переезда (но может сдержать массовый выезд). И что в нее можно привлечь в первую очередь немцев Казахстана. Многие же немцы России при наличии государственности останутся там, где проживают

сегодня, если обеспечить им удовлетворение национально-культурных запросов, что может эффективно делать при государственной поддержке их Федеральная национально-культурная автономия. Таким образом могут быть максимально удовлетворены интересы и регионов, и российских немцев, и государства.

Мы можем утверждать, что непринятие никаких мер по решению проблемы российских немцев, лишая их надежд на национальное будущее, является основной причиной их выезда, и ущерб от него вполне может удвоиться.

Мы можем констатировать, что совместные усилия России и Германии за последние десять лет много дали для запуска и опробования необходимых процессов, для понимания того, что и как надо и не надо делать, но не смогли и не могут привести к нужным результатам, если ограничиваться только ими.

Мы можем отметить, что национальное движение российских немцев с созданием их Федеральной национально-культурной автономии, объединившей в себе конструктивный потенциал и опыт прежних общественных организаций, стало более единым, действенным и получило более высокий статус согласно Закона об НКА.

И наконец, мы еще раз увидели главное: проблема российских немцев может быть и сегодня решена только на уровне руководства страны. Для чего и требуется его политическая воля.

Великий строитель немецкого государства канцлер Германии Отто фон Бисмарк за три часа до смерти, уже в бреду, кричал: это не отвечает интересам государства, поэтому невозможно! Российские немцы уже 60 лет, целым народом, от рождения и до края могилы кричат и стонут: это не отвечает интересам государства, поэтому невозможно! Но за эти же 60 лет ни один руководитель нашей великой страны ни наяву, ни в бреду даже не прошептал таких слов по поводу нерешенности проблемы нашего народа. Дождемся ли? Мы поймем их на обоих наших родных языках: и на немецком, и на русском… Да прозвучат!

Опубликовано в газете "Нойес лебен" за 2001 год и в книге автора "Убить народ" (Новосибирск, РНД, 2002).

Январь — август 2001 г.

notes

Примечания

1

Здесь и далее часто употребляется слово "подрядчики", причем в негативном смысле. При этом имеются в виду не те работающие в нашей проблеме люди, которые, получив на конкурсной основе какой-либо проект, честно и качественно выполняют его и получают за это заслуженную оплату, а те, кому даются такие проекты безо всякого конкурса, на условиях ответной политической, а часто и материальной поддержки ими распределителя проектов. Эти подрядчики, как правило, не компетентны ни в одной из сфер, в которой подрядились работать, и их цель — не честный заработок за качественный труд, а максимальное набивание своих карманов — любым путем, лишь бы скорее.

Такие подрядчики (тем более — политические подрядчики) не имеют, как и преступники, национальности. Более того, если в них и сохранилось что-то национальное, то это еще опаснее: оно, располагая к себе, вводит в заблуждение и заставляет воспринимать их как своих, но в любой момент оно отбрасывается и предается ими ради сиюминутной конкретной выгоды.